

18+

Александр Черенов

*МУММЯ
ИЛЬИЧА.
Книга первая*

Александр Черенов

Мумия Ильича. Книга первая

«Издательские решения»

Черенов А.

Мумия Ильича. Книга первая / А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515678-5

«Эх, встал бы ты да посмотрел на то, что творится вокруг!» Так говорим мы, расписываясь в собственной беспомощности и не полагаясь на современников. И вот один из «адресатов» встал. Прозевав воскрешение Ленина, Кремль осознаёт угрозу и пытается исправить «историческую ошибку». Неожиданную поддержку своим планам он находит у лидера коммунистов: у того — свои причины не восторгаться воскрешением вождя. Ну, а Ленин возглавляет «здоровое ядро партии». Ситуация напоминает октябрь семнадцатого...

ISBN 978-5-00-515678-5

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвёртая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	40
Глава восьмая	47
Глава девятая	54
Глава десятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мумия Ильича. Книга первая

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-5678-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-5679-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

– «Бурлил Дом народов!»

Молодой человек насмешливо оглядел почтительно-сонные лица делегатов очередного внеочередного съезда партии. Звали молодого человека МНС. К младшим научным сотрудникам он не имел отношения: инициалы МНС были родом из «Ф.И.О.» и «Молодёжная Наша Смена» «в режиме экономии». Так Председатель ЦК ПКР – Партии коммунистов России – именовал руководителя молодёжной секции ЦК. Вначале – ласково, доверительно, почти отечески. Позже – со снисходительной усмешкой напополам с тревогой. И, наконец – с неприязнью и даже страхом: у МНС «прорезался голос», а с ним и взгляды. И те, и другие, по мнению Председателя – ревизионистские. «В редакции» МНС Председатель оказывался не «верным учеником», а «соглашателем» и «имитатором». Первого «титула» глава ПКР удостоился за сотрудничество с режимом, второго – за «борьбу» с ним.

И ведь МНС не ограничился кулуарами: «оценочные суждения» пошли «в свет». Больше всего Председателя огорчало то, что отдельные несознательные элементы – числом не меньше половины списочного состава – посчитали нелестную оценку заслуженной. А всему виной была «политическая безграмотность масс». Обвинённый в беспринципности, Председатель был принципиальным сторонником «эволюционного пути революции». Он так прямо и заявил: «Россия исчерпала лимит революций». Значит, оставалась только эволюция. Не все смогли понять и принять этот «вклад в марксизм-ленинизм». А некоторые – и вовсе не захотели: ни понимать, ни принимать.

Несмотря на происки отдельных лиц, Председатель остался верен принципам. Эту верность не поколебала даже «экстремистская» интерпретация её как беспринципности. Критики не хотели учитывать то, что принципиальность руководителя ПКР определялась не одними лишь теоретическими воззрениями, но и влиянием опять разлагающегося капитализма. Продукт разложения оказался настолько токсичен, что отравил последние остатки сознания Председателя, и без того далеко не большевистского. Мир – в лице режима – выставил против человеческой природы лидера ПКР столько искушений, что тот не смог устоять. Даже, если бы и захотел.

И то: телевидение, радио, пресса, кресло заместителя Председателя Госдумы, личные и служебные авто, квартира в столице, дача под ней, счета, от которых посасывает под ложечкой! При таком неравенстве сил не мудрено было не устоять. Но Председатель, хоть и «пал в неравной битве» – а не за «здорово живёшь». Он не «за зря» «позиционировал» себя марксистом. Правда, другие как-то не усматривали сходства. Председатель знал причину этого: практика бытия. Точнее: практика его личного бытия. Она постоянно вступала в противоречие с теорией классиков. Нет, те были не виноваты: не могли же они предвидеть всего. Всего того, что «обрушится» на Председателя. Значит, нужно было привести учение в соответствие с требованиями времени.

Председатель так и сделал. Чтобы сгладить некоторые разногласия с Марксом и Ко, он творчески развил их взгляды. На некоторые вещи пришлось взглянуть по-новому – и в ту сторону, куда «отцы» и не смотрели. Например, в сторону эволюции – не отказываясь при этом от некоторых «ингредиентов».

Так на свет появилась «оригинальная» теория «эволюционного пути революции». Революционной оставалась цель: приход к власти. Но достигать её предполагалось исключительно мирными – и «где-то даже» легальными – средствами. А эта «форма революции» всегда предполагает сотрудничество с режимом «по отдельным вопросам». И – не только в плане усыпления его бдительности. Режим должен был сам себе копать могилу. А контактами с ним – как

полагал «эволюционный революционист» – и обеспечивался надлежащий контроль «за ходом земляных работ».

Трудно сказать, верил ли Председатель в это обоснование или «оправдывал несовпадение взглядов» – но массам было предложено именно оно. Расчёты «практикующего теоретика» оправдались только частично. Теория оказалась слишком оригинальной для того, чтобы быть принятой всеми – да ещё с восторгом. Ну, вот – такой у нас народ: с ригидным мышлением. Не способен, понимаешь, к решительному отказу от взглядов, не только не подтверждённых жизнью, но и противоречащих ей. Имелась в виду, конечно, жизнь Председателя.

Нет, основная масса... руководящих лиц восторгнулась. Но нашлись и «идущие не в ногу». Особенно – среди «подростающего поколения». Пришлось воспитывать товарищей. С использованием метода «демократического централизма». То есть, задействуя личную нестигаемость «пожизненного марксиста» в деле «выпрямления кривизны и уклонов посредством сгибания в бараний рог». Всех «идущих не в ногу».

Но – увы! Увы – в смысле: «всех не перестреляешь». «Паршивых овец, портящих стадо», оказалось количеством значительно больше одной. И этими «овцами» выступили, к неприятному изумлению Председателя, МНС и его немалочисленная команда. А ведь он так пестовал, так обхаживал, так обкладывал этого «опасно перспективного товарища»! И что – в итоге? Никакого почтения – а, как апофеоз: нехорошие разговоры. На тему несоответствия Председателя занимаемой должности. А уже отсюда – никакого почтения к демократическому централизму в редакции Председателя: «приказы не обсуждаются».

Оказалось, что обсуждаются. Да, ещё, как: уже который месяц функции кулуаров исполняла вся ПКР! Нездоровые мысли МНС не способствовали оздоровлению взглядов партии на теорию «эволюционной революции». Они подрывали не только доверие лично к Председателю, но и курс на завоевание власти демократическим путём и решительную борьбу с режимом... в креслах Государственной Думы.

Ситуация не улучшалась – но, верный принципу эволюции: «может, само рассосётся?», Председатель не стал заострять вопрос. Он счёл целесообразным лишь слегка пройти по «горячим головам», которые, «в силу юношеского максимализма», ещё не научились ни Марксу, ни Ленину, ни ему, Председателю. Пока «горячие головы» не предполагалось наделять фамилиями. Председатель ещё надеялся на то, что МНС правильно воспримет этот «жест» – и по доброй воле исполнит возвращение блудного сына. С подписанием акта о полной и безоговорочной капитуляции. Разумеется, в торжественной обстановке: стоя на коленях. И мир будет восстановлен. Или, хотя бы – перемирие. А за это время Председатель успеет подготовить молодёжной смене... другую смену. Ну, так, как это и полагается во взаимоотношениях между товарищами по оружию...

Поэтому объявления войны пока не предполагалось. И не только войны: даже «культурной революции в отдельно взятой ПКР». Председатель решил провести съезд в точном соответствии с регламентом: намёки в адрес анонимных сил, покушающихся на единство, заверения в наличии означенного единства и готовности восстановить его, не сходя с трибуны. Подобное «единство и борьба противоположностей» было не случайным. Председатель решил на всякий случай использовать рецепт слона-живописца из басни Михалкова. Ну, чтобы каждый из делегатов нашёл себе довод по душе.

Но по причине этого «компота» весело в зале было недолго: отчётный доклад начал вовсе соответствовать себе. И МНС заскучал. И не он один: вскоре компанию ему дружно составлял весь зал. Разница заключалась лишь в мимикрии. МНС был честнее, а старшие товарищи – опытнее. Но скучали они ничуть не хуже. Особенно заметно это становилось тогда, когда Председатель взывал к Марксу и Ленину. «Старшие товарищи» были больше практиками, чем теоретиками. Нет, не по части решительных действий на баррикадах: борьба с антинародным режимом давно уже приняла новые формы. Теперь отъём награбленного у народа произво-

дился исключительно Председателем – и исключительно в стенах Администрации Президента. Оживиться делегатам ещё только предстояло. Тогда, когда Председатель начнёт докладывать об итогах борьбы с Главой Администрации за увеличение бюджета партии и её отдельных, наиболее видных членов.

Скучающий взгляд МНС скользил по головам «соратников». Ему слепило глаза. Не от блестящих умов: от лысин. Пейзаж из «светлых голов» не бодрил. Его не оживляли даже отдельные факты растительности на отдельных головах. «Героическое поколение» явно не спешило передавать эстафету.

– Страна подошла к краю гибели! – в очередной раз похоронил режим Председатель. – Увеличение объёма в физических показателях – лукавство антинародного режима! Спад производства достигнут повсеместно. Сейчас я вкратце ознакомлю вас с отдельными цифрами...

Аудитория тут же ушла в подполье: знакомство предстояло не краткое и не с отдельными цифрами. «Убиение» цифрой являлось одним из «коньков» Председателя. И эту процедуру он исполнял как магический ритуал – без пропусков и сокращений. Удивляло только одно: кого вразумлял этими цифрами глава партии? Кого убеждал? В зале не было не только ни одного гостя от антинародного режима – за исключением «товарищей с Лубянки» – но даже ни одного представителя средств массовой информации. А свои знали эти цифры, если не как «Отче наш», то как «Вставай, проклятьем заклеимённый...». И знание это никак не способствовало наступлению «революции эволюционным путём».

Нет, цифры были хорошие, правильные. Они «отражали» и «демонстрировали». Но ни на положение власти, ни на положение ПКР они никак не влияли. Не только в настоящем, но и в обозримой перспективе. А в необозримую и заглядывать не стоило. По причине её необозримости. Не впечатляли эти цифры и массы – в те редкие случаи, когда они фрагментами доходили до них. И дело – не только в «пропускной способности»: масса стала иной. Она поднялась на новый уровень, опустившись, ниже некуда. Её теперь больше интересовало место сборной в рейтинге ФИФА, чем своё место в жизни. Потому что масса была дитятей... нет: продуктом демократии.

Квалификация масс стала ещё одним «общим местом» в речах Председателя. Он клеймил их «пиплом хавающим», «маргиналами», «полускотами», «быдлом» и «даунами». И не всегда эти определения использовались «подпольно», среди «своих». Часть их шла в эфир «в оригинальной упаковке».

Завсегдатай трибун и экранов, Председатель не изливал душу. Он предлагал дополнительное объяснение – а заодно и оправдание. Ссылка на «некондиционность» масс прямо указывала на «стрелочника». Ведь «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». А, если утопающий не хочет, чтобы его спасали, то... хвала спасателям. Даже в тех случаях, когда они никого не спасают. За что хвала? Ну, хотя бы за то, что они готовы спасти – да, вот, объект не готов «к сотрудничеству».

Это, объясняло, если не всё, то многое. Например, то, что «а воз и ныне там» – несмотря на магические заклинания и очередное «загнивание капитализма». Классическое отсутствие революционной ситуации: низы не готовы! А это, в свою очередь, означало то, что первой задачей ПКР является доведение масс до готовности. То есть, занятие работой будничной, кропотливой, рассчитанной на долгие-долгие годы. «А за это время или ишак подохнет, или шах умрёт!» Последнюю фразу Председатель тактично лишь подразумевал. Но, пусть она не шла в эфир, все, кому нужно, понимали всё... как нужно.

Минут через сорок Председатель закончил «краткий экскурс в цифирь» – и перешёл к освещению вопроса решительной борьбы с режимом в стенах Государственной Думы. «Отсутствующим присутствующим» было с гордостью объявлено о том, что фракция ПКР бескомпромиссно голосовала против всех предлагаемых режимом законопроектов. То, что это

не повлияло на их принятие, опускалось, не удостоившись даже ремарки. Факт непримиримости был налицо – а это главное.

Ещё более «непримиримой» оказалась борьба партийного руководства во главе с Председателем в стенах Администрации Президента. Как только докладчик упомянул об этом факте, «мёртвый час» в Кремлёвском Дворце съездов – «выбили у режима» – кончился. Затаив дыхание, аудитория исполнилась надежды. Результаты, действительно, впечатляли. Народу – в лице Бюро ЦК – удалось вернуть несколько десятков элитных квартир в Москве и Петербурге, столько же представительских лимузинов и мест в престижных вузах столицы для детей трудящихся. Список трудящихся не давался – но в этом и не было необходимости: партия, как та страна, знала своих героев в лицо... из телевизора.

Особенно вдохновила «цвет партии» информация о том, что в бюджет ПКР были возвращены украденные у народа миллионы народных рублей. Если с квартирами, лимузинами и местами в вузах всё было ясно, то последняя информация давала шанс на более «широкое толкование» бюджета партии.

Однако Председатель не вполне соответствовал ожиданиям партийцев, заявив о том, что депутаты Государственной Думы

в решительных боях отстаивали своё человеческое право на достойную оплату труда по борьбе с антинародным плательщиком. Всем им были повышено денежное содержание и улучшены жилищные условия. Поскольку не все делегаты были депутатами, им оставалось лишь надеяться на то, что не будут обнесены дополнительным рублём и их заслуги в борьбе с режимом.

– Это ли не показатель наших достижений в борьбе за лучшую жизнь? – целил в «виртуального» критика Председатель. – Если уж и это не показатель, то я могу сказать критикам только одно: «Заелись вы, товарищи!» Потому что политика – это искусство возможного! Мы вырвали у режима всё, что могли... кроме власти.

Последние слова Председателя были не в микрофон. Хотя он мог и не соблюдать конспирацию. Как минимум, по двум причинам. Первая: народ в зале был «своим», понимающим. И он понимал, что власть не вырвали лишь потому, что... и не вырывали. Не было в этом такой, уж, экстренной необходимости. «В борьбе обретём мы право своё». Вот и обретали. Правда, эсеровский лозунг «слегка» модернизировали с учётом современных требований. Чем больше борьбы – тем больше права. В овеществлённой форме. Куда спешить: империализм всё равно «обречён»... исторически...

Вторая причина: «вырвали у режима всё, кроме...» – это программа минимум. И она была выполнена. За что же – мимо микрофона? Тут впору – на скрижали! Эта часть доклада Председателя настолько вдохновила товарищей на борьбу, что они начали один за другим восходить... нет, не эшафот: на трибуну. И уже с неё они дружно клеймили режим позором и разными нехорошими словами, заодно клянясь в верности курсу Председателя – «единственно ленинскому из всех курсов».

Потом был перерыв и хороший буфет «от антинародного режима». На третье «подавался» Мавзолей: по ритуалу требовалось поклясться в верности непосредственно у гроба Ильича. На сытый желудок чего ж не поклясться?! Шествие возглавлял Председатель. На Красной площади его уже поджидали фотографы и операторы различных телеканалов. Ради этого Председатель был вынужден в очередной раз потребовать от Главы Администрации «соблюдения демократии». И «антинародный режим» вновь «отступил»... под натиском «несгибаемого борца».

«По должности» МНС обязан был участвовать в ритуале. Нет, до возложения венка он ещё «не дорос». «Не дорос» он и до первых рядов, почему и был определён в гущу. Но он и не возражал: меньше треска – как камерного, так и языкового.

Как и все «возлагатели», Председатель совсем не обязательно поправил и без того прямую ленточку с трогательной надписью «Великому Ленину – от учеников», после чего красиво поскорбел в сторонке. В разных ракурсах – для разных телеканалов. МНС увидел ленту – и не смог скрыть «уважительного» хмыка. Председатель наступал на горло собственной песне: слово «ученик» полагалось использовать в единственном числе. Но глава партии мужественно «поделился лаврами».

Процессия вошла в Мавзолей. Здесь съёмка по заведённому обычаю не производилась – и Председатель мог дать волю себе, подлинному.

– Вот, Ильич, и опять встретились, – без зазрения сфамильярничал он. – Хочу тебя обрадовать: достигаем.

«Кто и чего?»

МНС не сомневался в том, что и сам Ленин задал бы Председателю этот вопрос. И это не было бы бестактностью: вопрос был бы всего лишь на тему дня. Даже – на её злобу.

– Конечно, многого ты не мог предусмотреть.

Ухмыльнувшись, Председатель «снисходительно похлопал вождя по плечу».

– Но на этот случай есть мы – твои ученики. Так, что, как говорится, «не извольте сумлеваться»: всё сделаем в лучшем виде. Не сразу, конечно – но ведь и Москва не сразу строилась. А пока, как видишь, обживаемся... то есть, вжимаемся, вработываемся...

«Срастаемся» – дополнил от себя МНС. Возможно, телепатия всё же существует, потому, что Председатель как-то разом «оборвал серенаду» – и поискал глазами МНС. А когда нашёл его – вместе с ними – то уже не возобновлял контакта с Ильичом. Вероятно, «ознакомился с пожеланиями трудящихся». Там же – в глазах МНС. Как бы там ни было, а встречу с вождём тут же свернули – и все дружно потянулись к выходу.

Проходя мимо бюста Сталина, МНС покачал головой и укоризненно кивнул бюсту на Председателя. К его огорчению, «этот» Сталин не мог прореагировать на «сигнал» – тем более, надлежащим образом. Поэтому МНС не оставалось ничего другого, как посверлить взглядом затылок Председателя – и последовать на второй акт. Антракт заканчивался...

Глава вторая

– Ты даже перед Лениным не мог удержаться!

Председатель гневно сверкнул на МНС давно уже не сверкающим глазом.

– В каждый горшок тебе, понимаешь, плюнуть надо! Или тебе не нравятся наши достижения?

– Ваши достижения?

МНС не поспешил ни на голос, ни на лицо.

– Не нравятся.

– Отчего же?

– Оттого, что они – Ваши.

Председатель неожиданно смутился – и даже побагровел. Краснеть он был давно не в состоянии по причине тучности и прогрессирующей эмфиземы лёгких.

– Ну, так... это... хм... поправимо.

– Вы меня не так поняли, – не улыбнулся МНС.

– Ах, вот, ты о чём...

Помидорный окрас Председателя стал бурачным. Председатель был, хоть и столовник Кремля, но не дурак. Поэтому с МНС он мог разговаривать в формате министров из сказки Шварца: «ку...» или «у...».

– Не дождёшься! Я вас всех переживу! И, потом: там...

Он закатил глаза к потолку.

– ... есть только я. Ни с кем другим власть не станет и разговаривать.

– Ну, это – смотря, на какие темы, – мило улыбнулся МНС. – Если на те же, что и Вы – станет!

Намёк был... вовсе не намёк. Председатель побагровел бы дополнительно – да свободных «площадей» не осталось.

– Да, я – не Иосиф Виссарионыч!

Председатель задохнулся то ли от эмфиземы, то ли от чувств.

– Я не хочу быть похороненным в штопаном кителе. И, в отличие от него, я не могу не думать о своих детях.

– Ну, ещё бы!

– Что ты хочешь этим сказать? – ещё раз задохнулся Председатель.

– Только то, что о них Вы и думаете! И очень успешно, насколько я знаю. Вы «надумали» уже, миллионов, этак...

– Хватит!

Иных доводов, кроме кулаком – об стол, у Председателя уже не было.

– Говори прямо: что тебе нужно?

– Ну, того, что мне нужно, я от Вас вряд ли получу, – вновь «остался в рамках» МНС.

– Тогда бери по минимуму.

И Председатель «не полез в бутылку».

– Давай будем реалистами – и снизим планку требований.

– «Требований»? – выгнул бровь МНС. – Так оно у меня одно.

Визави побледнел – но тут же выкатил... живот вместо груди.

– Дудки!

– Тогда жизнь продолжается.

– Это – которая не на жизнь, а на смерть?

– Она самая.

– Значит, консенсус исключён?

Краска уже отлила от лица Председателя. Он, таки, возлагал определённые надежды на этот разговор – и, вот, на тебе: не возлегли. Поэтому сейчас за мимику отрабатывали склеротические прожилки на лице.

– Ну, почему же «исключён»...

В руке МНС «замаячила тара с бальзамом».

– Нет, он возможен... на условиях консенсуса... С Вашей стороны. Полного и безоговорочного.

– На!

Председатель подработал тексту ещё и соответствующим жестом. Тем, за который даже футбольные судьи показывают красную карточку.

– Я понятен?

– А я?

И МНС провёл ребром ладони по горлу. Председатель «мужественно» схватился рукой за сердце.

– Чего ты добиваешься? Скажи – и я сделаю всё... что смогу!

– Уйдите – и мы всё сделаем сами!

МНС был беспощаден. Но, как оказалось – только в первой части. А за ней уже следовала и вторая.

– «А за это, друг мой пьяный, говорил он Елифану...» Помните у Высоцкого?

– И что за это? – оживился Председатель. Практицизм не отказывал ему даже в самые драматичные минуты – а разговор явно сворачивал на знакомую дорожку.

МНС рассмеялся.

– Неужели забыли? «Будут деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин».

– А, если без шуток?

– Ну, если без шуток, то мы гарантируем Вам «тайну вклада». Вы, надеюсь, понимаете, о чём я?

По причине деликатности обстановки Председатель не осмелился не понять.

– Кроме того, обещаю Вам, что «damnatio memori» Вам не грозит.

– Что-что?!

– Древнеримский закон «Об осуждении памяти». Вы не станете персонажем «борода-того» анекдота на тему «Вали всё на меня!» Мы даже не будем препятствовать Вашему отъезду за рубеж в любом направлении. На длительное лечение. А возможен и такой вариант: Почетный Председатель ПКР. Звучит?

– «Почётный Председатель»? – усмехнулся пока ещё не «почётный» Председатель. – Что-то вроде пенсионера союзного значения?

– Ну, худой мир... лучше худого тела...

Некоторое время Председатель молча отдувался, полужёжа на диване. Сказывалось всё: и его шестьдесят пять, и эмфизема, и молодецкий напор оппонента, и патовая ситуация с изрядными перспективами на проигрышную. Но капитулировать он не мог. Как минимум – так сразу. Возможности для торга ещё не были исчерпаны. И, прежде всего – финансовые.

– Скажи: зачем вам всё это нужно?

– Кому это «вам»?

– Не надо! – болезненно покривил щекой Председатель.

– Ладно, скажу: пора заниматься делом!

– А я...

– А Вы занимаетесь делами! Точнее: делишками! А для того, чтобы «забить Мике баки», подрабатываете имитатором.

– ???

– Эрзац-революционером! Тем самым, Вы «льёте воду»!

– На «мельницу»? – ещё раз поработал щекой Председатель.

– На неё! – «остался в лице» МНС. – В результате, партия давно уже превратилась в лекторий с одним-единственным лектором! Это уже не партия, а какой-то кружок по интересам!

– «Кружок по интересам»...

Председатель квалифицированно исполнился горечи: видимо, потренировался дома, перед зеркалом.

– И кто же – вместо меня?

Когда дело касалось личности Председателя, она, эта личность, могла быть предельно лаконичной и прямой. Да и вопрос персоналий в любой политической работе – будь то революция или контрреволюция – далеко не последний по значимости. В вожди хотят многие. И многие туда метят. В этот момент знаменитая логия «Много званых – да мало избранных» не имеет шансов быть услышанной. Что, уж, тут говорить за руководство к действию!

– Пока никого.

– ???

Удивление Председателя было искренним: а он-то думал!

– А за что же ты борешься?!

– А я борюсь не «за», а «против».

Разумеется, Председатель не задержался с ответом.

– Все сначала борются «против», чтобы потом бороться «за»! – пренебрежительно махнул он рукой. – А, чаще всего – совмещая одно с другим!

И он по-своему был прав. Многовековая история человечества – тому свидетель.

– Я сказал, как сказал.

– У вас нет кандидата?! «Тогда ничего не выйдет!» Помнишь эти слова Сталина, когда он узнал о том, что Главнокомандующий союзными войсками ещё не назначен?

– Хорошо, – обставился ладонью МНС, – у нас нет кандидата в вожди. У нас есть только члены коллективного руководства.

– А ты?

Председатель не мог поверить в то, что главарь молодёжной оппозиции лишён амбиций: это так противоестественно. Для ищущей личности. Ищущей себя... в высоком кресле. Да и сам он никогда ещё не ошибался в потенциале вероятных противников. Иначе они не остались бы в истории всего лишь вероятными, а он – вот уже столько лет бессменным Председателем.

– Я не тяну на вождя.

– А я?

– А Вы – тем более!

Председатель молча запыхал: сам напросился.

– И кто же?

МНС усмехнулся.

– Чему? – не понял Председатель.

– «Эх, встал бы ты и посмотрел на то, что творится вокруг!» Так говорим мы, расписываясь в собственной беспомощности и не полагаясь на современников. Особенно – на некоторых.

Оставить этот намёк без реагирования было невмоготу – и Председатель не оставил его:отреагировал. Отреагировал, изыскав последние резервы бурачного колера и ещё не охваченные площади на лице.

– Так говорим мы, обращаясь к кому?

Любой обыватель на месте Председателя не стал бы «будить спящую собаку». Потому, что ещё Екклесиаст заметил: «... во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Но Председатель был обывателем только «по бытовой линии». Как политик,

он не имел права не смотреть правде в глаза. Иначе та сама посмотрела бы ему в глаза – и много раньше.

- К тому, кто больше нас с Вами имеет прав на роль вождя.
- Например?
- Например, к Сталину.
- Не дай, Бог!
- Вы сейчас были не на высоте, господин Председатель!
- Зато ты был сейчас на высоте... со своим «господином»!

Председатель едва не задохнулся – и на этот раз явно не по причине эмфиземы. В очередной раз он оказался в нокдауне. И в очередной раз МНС доказал, что он – не аудитория Кремлёвского Дворца съездов. Председателю было решительно указано на то, что, если его визави захватил с собой на встречу ладоши, то явно не для того, чтобы хлопать в них.

- Ладно, не устраивает кандидатура Сталина, предлагаю другую: Ленин.
- Эта «другая кандидатура» жила в другую эпоху!
- «Вождь» уже оправился от удара: мало ли он их получал.
- В доисторическую эпоху. Чтобы он сегодня делал со своими заскорузлыми взглядами?
- «Заскорузлыми»?

МНС не мог не восхититься беспринципностью «вождя».

– А кто вчера заботливо поправлял тряпочку на венке? Ту самую, на которой «ученики» в первоначальном варианте были в единственном числе?

– Ну, «Ленин – наше знамя боевое», – покривил щекой Председатель. На тему «Зря старался: я со всех сторон – круглый!». – Знамя – и не более того... Ну, чего ты? Мы ведь – свои люди: чего стесняться. Только не надо смотреть на меня глазами «верного ленинца»: неактуально!

МНС последовал совету – и даже отказался от прений. Вместо этого он молча встал и под председательское «э-э, так дела не делаются!» молча же покинул его кабинет...

- Вот так мы и пообщались с «вождём»!

МНС ставил точку уже «дома»: у своих.

- А я ничего другого и не ожидал!

Ничего другого не ожидал второй участник диалога – СБ. Секретарь Бюро, то есть. МНС возглавлял молодёжное бюро ЦК ПКР, а СБ был его секретарём. По должности: де-факто он являлся Советом Безопасности и Службой Безопасности в одном лице. То есть, в столоначальниках на манер комсомольских секретарей «застойных времён» замечен не был. И если и занимался бумажками, то лишь теми, к которым с полным на то основанием были применимы слова Глеба Жеглова. Те самые – про любую бумажку на столе, за которую иной бандит полжизни отдаст.

- Но вопрос-то повис...

Словно иллюстрируя процесс, МНС повис носом.

- То есть?

- Ну, ты же не думаешь, что мы ограничимся демаршем...

- ???

- Повторяешься! И это я должен задавать вопросы, а ты на них отвечать!

СБ виновато потупился: незаслуженный упрёк был из числа заслуженных.

- И что нам делать?

- Не знаю...

МНС можно было верить: он врал только с трибуны. По должности и «производственной необходимости».

- Пока не знаю... Слушай, давай сходим в Мавзолей?

- Вчера же были! А...

СБ открыл рот – да так и не закрыл его...

– Пошли!

Милиционер у входа не обязан козырять посетителям – но этим откозырял. Откозырял на всякий случай: «живём, сами знаете, как на вулкане – всякое может случиться. Вернуться господа – которые товарищи...»

Кроме них двоих, в Мавзолее никого не было. И не по причине плановых работ: не советские времена. Не пост номер один, потому что.

МНС не остался «на дуге», а подошёл к саркофагу вплотную.

– Иди сюда!

СБ «пошёл навстречу пожеланиям». МНС наклонился над стеклом и стал внимательно разглядывать лицо мумии Ленина.

– Ты чего? – не понял СБ. Вторично за последний час.

– Послушай... Ты, если мне не изменяет память – инженер-генетик?

– Ну?

– То есть, твоя специальность: генная инженерия?

– Не понял...

– Вижу. Сейчас объясню.

МНС временно приостановил изучение саркофага и его содержимого, и повернулся к СБ.

– Скажи – только честно: можно сделать точную копию человека? Нижняя губа СБ отвисла вместе с челюстью.

– Ну, вообще-то...

– Можно или нет?

– Можно... Ты это – просто так, или...?

– Или.

Указательный палец СБ отклонился на тридцать градусов. Туда же съехал и правый глаз.

– А?

– Ага.

Чин СБ исключал какую бы то ни было лирику – но он опять не удержал челюсть. Поэтому текст он смог дать лишь по её возвращению

на исходную.

– Ты это – серьёзно?

– Вполне.

– Но – почему?!

МНС усмехнулся.

– Он ещё смеётся!

– Не над тобой, успокойся. Просто вспомнил Бендера. Как раз к месту.

– Ну?

– «Меня, например, кормят только идеи!» Это – раз. «Нужна идея – а её, как раз и нет!» Это – два. Я понятен?

– Ну-у...

СБ «доходчиво» ушёл взглядом в сторону.

– А я старался! – усмехнулся МНС.

– Мог бы и не так стараться, – выдул губы СБ. – Взял бы – и объяснил, а не выпендривался!

– Ладно, упрощусь.

МНС уже демонтировал усмешку.

– У нас нет идей.

– А марксизм-ленинизм – «вечно живое учение»?

– Не кошунствуй!

СБ шутливо поднял руки вверх.

– Марксизм-ленинизм в редакции КПСС, а потом и ПКР – давно уже набор штампов для речей. А нам нужно руководство к действию. Нам нужен план. У нас нет идей. У нас есть только председательские цифры, набор заклинаний и общий план «общих» мероприятий. Да и план этот – по выживанию, а не по завоеванию власти. И, по большей части – не для работы, а для предъявления. – А...

СБ явно хотел съязвить, но взглянул на лицо МНС – и передумал.

– Ты хочешь сказать, что и у тебя нет идей?

– Нет. И не только идей, но и воли. А воли нет потому, что слишком много её.

– Мудрёно...

– Ничего мудрёного. Нет воли политической, потому, что слишком много воли человеческой. Слишком много соблазнов, от которых не так-то просто отказаться. А отказываться надо. Вопрос: могу ли я, грешный человек, развращённый цивилизацией? Ответ: если заставить – да. Но отсюда – другой вопрос: а кто заставит-то? Председатель?

Голос МНС переполнился совсем уж неуважительными интонациями к старшему товарищу.

– Президент?

Уважения не прибавилось и в этом случае.

– Да и сам я...

МНС огорчённо махнул рукой: критика перешла в самокритику.

– Уж не хочешь ли ты сказать...

Округлив глаза, СБ покосился в сторону саркофага.

– Да! – МНС энергично кивнул головой. – Он! Он мог бы заставить! Повести за собой, увлечь личным примером – но он смог бы!

– Смог бы что?

– Смог бы заставить шевелить мозгами и задом!

– И поэтому его надо оживить?

МНС покачал головой.

– Его надо «оживить» потому, что одна его голова заменит все наши.

– Даю справку!

СБ поднял вверх указательный палец. Он уже понял, что мысль основательно засела в голове товарища. И мысль эту можно изгнать оттуда не насмешками, а строго научными доводами. По иному достучаться до МНС было невозможно: это – не Председатель.

– Если ген будет живой, сделать копию этого человека можно.

– «Копию этого человека»?

Лицо МНС посерело: научный довод приступил к избиению мысли.

– То есть...

– Да!

СБ «передёрнул затвор» – и решительно приговорил нежизнеспособные надежды друга.

– Это будет точная копия оболочки – но совсем другой человек.

Не Ленин. Реконструирована будет форма – а нам нужен...

– Мозг?

– Да.

МНС отвернулся от СБ – и вновь наклонился над саркофагом.

– И что нам остаётся?

Вопрос был задан полушёпотом, спиной к соратнику. Так, словно задавался вовсе и не ему. Но отвечать надлежало СБ, а не соратнику из саркофага.

– Оставить это безнадежное занятие.

– Или думать...

Глава третья

...Прошёл год. Демократия всё активнее заключала в свои железные объятия страну, уже начинающую ощущать от этого некоторый дискомфорт. В очередной раз Москва доказала всему миру то, что от одних оков она всегда освобождается лишь затем, чтобы немедленно попасть в другие. Зато страна решительно превращалась в ведущую энергетическую державу мира. То, что превращение осуществлялось посредством спешной распродажи недр, было делом несущественным. Для власти, конечно. Потому что главный принцип демократии: «après nous le deluge» соблюдался неукоснительно. Перевод следовало осуществлять либо среди своих, и желательно – на кухне. По причине неправильной интерпретации массов.

Но «враги демократии», всё равно, домогались постижения, используя запрещённую литературу: французско-русский словарь или работу Ленина «Грозная катастрофа и как с ней бороться». В России всё решительнее демократизировались институты власти, выстроенные уже не только по вертикали, но и в шеренгу – и даже во фронт. Потому что лишь та демократия хоть чего-нибудь стоит, если она умеет защищать себя. Хотя, Ленин, кажется, говорил это о революции. Но и в контексте демократии звучание не терялось.

Выстроились во фронт и партии. Сначала – во фронт. Затем – в очередь. На получение довольства. Именно в такой последовательности. По отношению к столовникам режим был честен: все получали «кормовые». Все, кто заслужил корм. ПКР, например, заслужила. Она старательно исполняла роль непримиримой оппозиции. Нота в ноту с партитурой, расписанной Главой президентской Администрации. Никаких импровизаций, никаких полётов фантазии: делай, что тебе велено – и получай за свою нестигаемость!

И ведь получали! Хорошо получали! Пусть и меньше, чем партия власти – но из того же «корыта», того же ассортимента и того же качества. По причине личных заслуг Председателя ЦК ПКР в деле разоблачения антинародного режима, содержание центрального аппарата за истекший год увеличивалось дважды. Кремль не мог не нарадоваться на торжество демократии в стране, а верха ПКР – на результаты этого торжества в своих карманах.

«Непримиримый оппозиционер» ежемесячно и непримиримо обедал в узком кругу с Президентом. О чём там они «боролись» за столом, широкой публике оставалось неизвестным. Высказывались только предположения, что всякий раз Председатель вносил на рассмотрение Президента очередной план свержения последнего. И Президент якобы всегда утверждал его – после краткого рассмотрения и внесения несущественных поправок.

Сведения эти имели право на существование. Ведь с той же периодичностью, с какой происходили эти «совещания за закрытыми дверями», Политсовет ЦК ПКР «спускал вниз» новые директивы «о формах и методах непримиримой борьбы с антинародным режимом».

«Жить становилось лучше, жить становилось веселее». Не всем, конечно – но Председателю сотоварищи грех было жаловаться на жизнь. Не мог он жаловаться хотя бы потому, что был пожалован жизнью всем необходимым для неё. В том числе – и самым необходимым: статусом «непримиримого борца с режимом». Без этого статуса он даже за стол

с Президентом не садился. И, если он и забывал его случайно, то ему всегда напоминали, чтобы «надел». Ведь только в образе «нестигаемого» он и мог «подаваться к столу». Без забрала и меча – пусть даже взятого напрокат в Администрации – он не котирировался в качестве столовника.

Всё бы ничего – но МНС и его соратники постоянно мешали Председателю ощущать то, что «в нашей буче, боевой и кипучей – и того лучше». Их видение «бучи» радикально отличалось от видения лидера ПКР. Они имели все основания для того, чтобы быть довольными – но не захотели: ни иметь, ни быть. А ведь всех их, начиная с МНС, «ознакомили с перечнем наград за бескомпромиссную борьбу с режимом». Не скрывалось даже то, что перечень

этот утверждён в Кремле. Подробно останавливаться на вопросах финансирования было даже смешно: «от народа», вестимо. Или Кремль – не от народа?

Только, при всей своей паспортной молодости, МНС оказался политиком архаичных взглядов. В отношении к «вынужденным компромиссам». Напрасно вразумлял его Председатель на тему, что жизнь состоит из компромиссов. МНС отвечал Председателю, что у того жизнь только из компромиссов и состоит. Это уже был намёк. И – не на избыточную гибкость: на отсутствие платформы. Вопросы быта «шли по другой статье». По другой статье разногласий. Вернее, так полагал сам Председатель. Хотел так полагать. Но даже статья разногласий вызывала разногласия: МНС требовал увязки. И с каждым разом намёки его становились всё более прозрачными и бестактными. По сути: переставали быть намёками.

Ну, как тут было не «осерчать» на мальчишку?! И главное: никак не получалось «вскрыть» его. Нет, обиду за неудовлетворённые запросы Председатель ещё готов был понять. Более того: готов был пойти навстречу. Во всём объёме состояния на довольствии: как по перечню, так и по рангу. Но МНС оказался человеком безнадёжно «неправильным»: ему, видишь ли, за державу стало обидно. Председатель, «человек с планеты Земля» – от земли, то есть – понять такого непрактического идеализма и «где-то даже» пережитка прошлого не мог.

Но в глубине души, забитой компромиссами и сытным обедом, Председатель не мог не понимать: основания к обиде за державу имелись. И основания серьёзные – даже объективного характера. Ведомая им, ПКР медленно, но верно превращалась в деталь режима. И всё это – на фоне превращения режима в страну, а страны – в ничто, в точном соответствии с установкой «Кто был никем – тот станет всем!». «В режиме обратной перемотки», естественно.

ПКР оставался всего лишь шаг для того, чтобы мужественно объявить себя «социал-демократией левоцентристского толка». Что-нибудь вроде «Партии демократического социализма». А лучше – без упоминания социализма. И ПКР объявила бы – да Кремль не позволил. У Кремля и без ПКР хватало «перекрасившихся в центристов». Для «баланса демократии» требовалось «большевистское пугало» – неважно, что состоящее на балансе Администрации Президента. Именно поэтому «неправильно сориентировавшемуся» Председателю и было тактично приказано «не сметь своё суждение иметь».

И именно поэтому «отщепенцы» в лице МНС и его сторонников решили поступить вопреки «дружескому» императиву. Двадцать второго апреля, в день рождения Ильича, молодёжная секция – уже фракция – собралась... нет, не в зале заседаний: на субботнике. Тяжкое бремя заслушивания доклада Председателя взвалили на себя старшие товарищи. Ну, а младшим было милостиво разрешено «отдохнуть на природе» – с мётлами, носилками и лопатами.

Медициной доказано, что свежий воздух и общественно полезный труд активизирует мысли. Вопреки расчётам на «размягчение от соловья и коротких юбок», течение политической мысли сразу же приобретает радикальный характер. Нынешний субботник не стал исключением.

К вопросу подступались недолго. Не дольше, чем к кучам мусора. Возможно – по причине аналогии. Вольной или невольной – это вопрос непринципиальный. Разговор, начавшийся, как всегда с несущественных мелочей, быстро перешёл на личность Председателя, а с неё – на положение дел в партии и в целом по стране.

– «Грядущая катастрофа и как с ней бороться», – определил ситуацию СБ. Заодно и «озаглавил» собрание.

– Как у Ленина, – столь же «оптимистично» подключился ВПК: «Вопросы патриотизма и культуры». Имея тесные связи с военными и обороной, он недалеко ушёл и от традиционного прочтения: «Военно-промышленный комплекс».

– Только Ленина нет! – выразительно блеснул глазами МНС.

– ???

Молчаливая оппозиция ВПК была явно на тему «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька».

– Что ж: давайте, поговорим.

Усмехнувшись, МНС сделал «приглашение к лужайке». ВПК и близлежащие товарищи обменялись недоуменными взглядами. «Близлежащие» – потому, что по причине открытия заседания субботник уже закрыли. А совещаться, лёжа на зелёной лужайке, куда приятнее, чем в душном зале под бдящим оком «старших товарищей».

– Зачем?!

– Именно так!

Вертикально поднятый указательный палец МНС восхитился прежде него.

– Именно так: не «почему?» – а «зачем?». «Почему?» уже не вопрос. Его мы только что обсудили, и нашли тысячу ответов – и все верные. Даже вопрос «О чём?» был бы уже пройденным этапом. Потому, что перед нами стоит уже другой вопрос: «Зачем?»

– Зачем «что»?

К всеобщему непониманию подключился СИД: «Связь с Иностранными Друзьями». Ну, то есть, «министр иностранных дел молодёжной фракции».

МНС выдержал эффектную паузу.

– Зачем «что»?! – уже тандемом не снесли её СИД и ВПК.

– Не что, а кто: Ленин! Зачем нам Ленин? Только так я бы и поставил вопрос!

Опять имел место обмен взглядами, в котором из всех присутствующих не принимали участия только МНС и СБ. Никто ещё не догадывался, что – по причине неактуальности для них таких взглядов.

– Ну, как, это? – смутился СИД. – Ленинизм – это вечно живое учение, которое...

– Садись: пять баллов! – усмехнулся МНС. – Но я – не о ленинизме: я – о Ленине.

Над полянкой, свежезачищенной от несвежего мусора, повисло молчание. Так, как и полагалось по сюжету. На этот раз никто даже не переглядывался друг с другом: все «дозревали» соло.

– А точнее?

ВПК дозрел первым.

– Не пора ли нам определиться с выбором?

Отразив вопрос вопросом, МНС поехал взглядом по лицам соратников. Взгляду пришлось нелегко – по причине сопротивления материала.

– А разве мы не определились? – удивлённо выдул губы СИД.

– Смотря – с чем.

На чужой резон у МНС имелся свой.

– С Лениным?

– Смотря, в каком контексте.

МНС продолжал «охватывать товарищей кольцом окружения».

– То есть, как? – честно растерялся ВПК. – В каком, ещё, контексте? Ленин... это...

– «Наше знамя боевое»?

– Ну, да! А что ещё?

МНС опять взял паузу. На этот раз – мучительно долгую для аудитории.

– Не томи! – не выдержал СИД.

– Не гони! – не остался в долгу МНС. – Плод должен созреть – вместе со мною.

– Ты мог бы созревать и побыстрее, а не как на севере!

– Хорошо.

МНС уже не усмехался.

– Ответь мне – и, по возможности, честно: у нас есть шансы?

Вопрос был поставлен широко – даже неопределённо. Но ни СИД, ни ВПК, ни остальные товарищи не стали требовать сужения и определённости: «не первый год замужем».

– Нет!

СИД отставил дипломатию – и заместил её честностью. На время. По производственной необходимости.

- А в развёрнутом виде?
- Пожалуйста: в такой редакции партии – нет!
- Ты имеешь в виду...
- Всё: персоналии, вождя, программу...

– Программа у нас есть! – возразил СКМ: «Союз Коммунистической Молодёжи». Он отвечал в партии за работу с молодёжной организацией, готовил смену для ПКР. Ту самую, о необходимости которой всё время твердил Председатель – и которую он совершенно не ждал в партии. Как минимум, в радиусе километра от председательского кресла.

- Программа для кого и для чего?

К вопросу МНС подключил указательный палец.

– У нас есть программа для Председателя, которая должна обеспечить политическое выживание ему и нужному ему поголовью членов. Нужному даже не столько ему, сколько Администрации Президента. Ведь без поголовья нет партии, без партии нет Председателя, без Председателя нет пастуха. А без всего этого «демократия по-русски» – диктатура. Есть возражения?

Возражений не последовало.

- Что ты предлагаешь?

СИД уже покинул нестройные ряды оппозиции, и был готов к творческой работе с собой. В том числе, и по этой причине, МНС не стал тянуть с ответом.

- Ленин.
- Что Ленин?
- Нам нужен Ленин!
- В каком смысле?
- В прямом!

Вот теперь СИД наехал взглядом на близлежащего СБ. В ответ тот лишь молча пожал плечами.

- Ты хочешь сказать, что...
- Да: нам нужно поставить Ильича на ноги!
- В смысле...

Механически, как робот, СИД отработал руками на подъём в вертикальное положение.

- Да!

– Но зачем?! – округлил глаза ВПК. – Я уже не спрашиваю о том, как ты собираешься это сделать!

- А ты спроси!

На этот раз МНС ограничился паузой лаконичной, но не менее выразительной.

- И я отвечу тебе: генетика!
- А зачем?
- «Земля наша обильна, да нет в ней наряда».

Помогая голосу мимикой, МНС процитировал, как отчитал.

- Мы позовём его так, как новгородцы позвали сначала Рюрика, а потом – Александра.

– А что он может нам дать? – взмахнул доводом СКМ. – Что у него есть такого, чего нет у нас?

- Мозги!

СКМ обиделся – и МНС смягчился:

- Хорошо: программу действий!
- В нашей программе всё сказано!
- Нам нужны не слова, а дела!

Против такого довода возражений у СКМ не нашлось – но они нашлись у ВПК. В количестве одного.

– Если ты так хочешь, то я, конечно, не возражаю. Но, может, не будем усложнять задачу. Хотя бы – для начала.

– То есть?

– Ну, не будем городить огород с оживлением...

– «Городить огород»?

– Хорошо: оживлять.

Поднятыми вверх руками ВПК полукапитулировал, полузапросил мира.

– Так, вот: вместо этого я предлагаю... сеанс спиритизма. Если есть «тот мир» и если есть контакт с ним, запросим у Ильича совета – и уж потом... А?

– Согласен!

МНС даже не стал раздумывать: ведь кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая. Его спросили – он ответил. А дальше видно будет. «Война план покажет».

– Когда начнём?

ВПК уже «подпирал плечом» МНС.

– Что именно?

– Думать?

– Вчера! А делать – завтра...

Глава четвёртая

– Итак: как?

МНС уже вовлекал в процесс СБ: тот в партии отвечал за все паранормальные и просто ненормальные явления. СБ «легкомысленно» пожал плечами.

– Не вопрос!

– ???

– Покличем медиума!

– А в наличии имеется?

– Даже на конкурсной основе, – усмехнулся СБ.

– Только без шутовских колпаков в звёздах! – поморщился МНС. – И без идиотских обрядов. Просто, чтобы пришёл...

– ... увидел, победил!

– Примерно так!

– Будет исполнено!..

СБ был человеком слова и дела – как и положено главе «охранки». Уже к вечеру искомый товарищ... перестал быть искомым: был отыскан и доставлен. Товарищ производил хорошее впечатление: никакое. Такое, какое и требовалось. Был он не молод и не стар, не богат и не беден, не хорош и не дурён. Словом, не запоминался. Это давало надежду на то, что он будет заниматься делом, а не корчить из себя звезду экрана.

– Работать будете из идейных соображений или за гонорар?

– Ну, поскольку гонорар мне уже уплачен, то можно – и из идейных.

Неожиданно медиум оказался, пусть и не «звездой» – но и не «народным лекарем». МНС оценил шутку – и добавил ещё несколько очков в зачет «колдуну».

– Тогда – «поехали»?

– «Поехали»!

– Только я сяду рядом с Вами, – «вежливо напросился» МНС. – Ну, чтобы «держать руку на пульсе времени». И, если я почувствую, как Вы толкаете стол, то я Вас дезавуирую. А вот эти молодцы...

МНС обратил внимание «учёного» на «внештатных участников сеанса» с рожами записных головорезов.

– ... помогут мне. Согласны?

– Да.

– Готовы?

– Да.

– Тогда – «поехали»!

...Сеанс не разочаровал: медиум действительно занимался делом, спокойно и обстоятельно, без драматургии – но и без избыточного «серьёза».

Не было ни ледящих душу завываний, ни ходящего ходуном стола – но зато был результат: Ильич откликнулся. Некоторые из участников, правда, выразили сомнение в том, Ильич ли это. Но проверочный тест успокоил даже их: Ильич ответил на вопрос, ответ на который не знал бы даже медиум с дипломом Высшей партшколы. Ответ на него МНС нашёл в нетронутых ещё архивах ИМЛ – Института марксизма-ленинизма. Ни в открытой, ни даже в закрытой печати он ещё не появлялся.

– Владимир Ильич, это Вы? – не выдержал СБ: он тоже не знал ответа на вопрос.

– Да.

«Да», разумеется, было исполнено в форме однократного толчка медиума под руку. О такой форме связи с Ильичом «договорились» с самого начала. То есть, не было ни вращающегося блюдца, ни скачущего стола, ни складывающихся в слова букв.

– Буквы – это шарлатанство, – честно сознался медиум. – Я слишком дорожу своей репутацией и вашими – теперь уже моими – деньгами, для того, чтобы опускаться до таких вещей. Мой контакт проще – но это действительно контакт. И не коленки со столом, а медиума с духом.

– Одобряю.

МНС «отпустил» медиума и занялся Лениным.

– Владимир Ильич, мы – молодёжная секция Партии Коммунистов России. И мы в затруднительном положении: ПКР «сдружилась» с властью. Можно сказать, дружат домами. Дружба, как Вы понимаете – далеко не платоническая: «Вы поступаете принципами, мы – имуществом». Как итог: у Председателя нет желания что-либо менять, а у нас есть желание поменять всё вместе с Председателем – но нет идей. А нет идей – нет и планов. Отсюда – вечный русский вопрос: что делать?

Молчание.

– Я – по вопросу помощи? – «поправился» МНС.

Опять – молчание.

– Не понял...

МНС дополнил текст непонимающим взглядом по адресу медиума.

– Задайте вопрос в другой редакции.

– Надо же! – хмыкнул МНС. – И здесь – бюрократия и формализм! Ну, хорошо. Владимир Ильич, Вы можете нам помочь?

– «Да».

– И Вы готовы нам помочь?

– «Да».

Сидящие за столом оживились. Несмотря на приглушённый свет антикварной лампы – медиум настоял – лица всех озарились другим светом: надежды. «Воссиял» и МНС: кажется, «связь» работала. И, кажется – бесполезно.

– Что нам делать, Владимир Ильич?.. Ой...

МНС виновато покосился на медиума – но тут же реабилитировал себя: шлепком по лбу.

– Но я ведь не смогу задать ему вопрос в нужной редакции!

– Почему?

– Да потому, что Ильич «по этому каналу» может отвечать либо «да», либо «нет»! Мне нужны идеи – а Ильич не может их передать через медиума! Чтобы получить его совет, мне нужно самому сформулировать его – пусть и в вопросительной форме! А как я могу сформулировать идею, если у меня её нет? Я же не знаю, что формулировать? А если бы знал, то на кой хрен мне нужен был бы чей-то совет – даже самого Ильича?!

Довод заказчика-плательщика – всегда «железный». А умный довод его же – «железобетонный». Не стоит и трудиться его опровергать. И медиум не стал трудиться. По линии опровержения. В комнате вновь стало темно: погас свет надежды.

– Что же будем делать?

СБ по службе не положено было падать духом – но расстраиваться «устав» не запрещал.

– Для начала – не отсыреть носом! – отработал другом МНС – и тут же переключился на Ленина:

– Владимир Ильич, Вы ещё здесь?

– «Да».

– Владимир Ильич, у нас тут небольшая заминка... технического характера. Вы меня понимаете?

– «Да».

– Мы поищем способы её урегулирования, а Вы пока оставайтесь на связи... То есть, я хотел спросить: Вы постоянно – на связи?

– «Да».

– Ну, тогда – до связи! Договорились?

– «Да».

И МНС щёлкнул выключателем. Не иносказательным: электрическим. Просторную комнату – вместе с глазами участников сеанса – залило ярким светом. Но это не было светом надежды. Народ соло и хором серел лицами и исходил вздохами.

– Ну, что будем делать, «господа Военный Совет»?

Первым, на кого упал взгляд МНС – вместе с вопросом – оказался медиум. Тот не стал «нырять в окопы» – и честно развёл руками.

– «Я сделал всё, что мог, и пусть другой сделает больше»? – «расшифровал МНС.

К честно разведённым рукам медиум добавил и столь же честные очи долу. Но МНС требовалась сейчас не демонстрация честности, а что-нибудь весомее.

– Мне кажется, Вы и сами могли бы сделать больше.

– Вы – тоже, – не остался в долгу медиум.

– ???

Подумав, МНС решил усилить взгляд текстом. От чувств и для большего эффекта.

– Надеюсь, речь идёт не об оплате Вашего, с позволения сказать, труда?

– Нет, – почему-то не смутился медиум. – Речь идёт о другом, с позволения сказать, труде: о Вашем.

– ???

– Кое-какие ответы Вы могли бы получить и в формате «да-нет».

– Например?

– Например, Вы могли бы спросить его, нужно ли менять Председателя?

– Это я и без Ильича знаю!

– Тогда Вы могли бы спросить его, нужно ли устраивать революцию?

– И это я знаю!

– А что же Вы тогда не знаете?

– «Мне известно, что мне ничего не известно – «Вот последний закон из постигнутых мной!»

– ???

Теперь уже и медиум переключился на взгляды. И – явно не в подражание контрагенту: не хватало слов, а также общей культуры. Он ведь представлял «другой пласт человеческих знаний». Оно и понятно: обременения уникаму ни к чему.

– Омар Хайям, чёрт бы Вас побрал! – поднял его уровень МНС, хотя бы на время работы. – Я знаю, «что», но я не знаю, «как»! Я знаю, что нужно сделать, но не знаю, как это сделать! И спросить не могу! То есть, спросить могу – но ответа не получу!

Медиум виновато развёл руками.

– И это – всё?!

МНС устал возмущаться – но не возмутиться ещё раз он не мог.

– То есть?

Медиум, наконец-то, растерялся: сказалось отсутствие практики. Нет, не практики работы в должности медиума: практики работы в должности медиума «на высоком партийном уровне».

– Да то и есть, что хочется воскликнуть словами незабвенного Михаила Самуэлевича Паниковского: «Он и на две тысячи не наработал!»

– И чего же Вы хотите? – продолжил опешивать медиум.

– Дорабатывайте!

– То есть, как?!

– Как хотите!

Медиум уже открыл рот для того, чтобы возразить, но «на ленточке» передумал. Вместо этого он занял рот пальцем, каковой и принялся немедленно угрызать. Задумался, то есть. Думал он недолго: продолжительным раздумьям не способствовали выразительные физиономии заказчиков-плательщиков. Выразительные и многообещающие. То есть, обещающие много – но ничего хорошего. Для получателя.

– Есть идея!

– Сюда её!

Медиум наклонился к самому уху МНС. Выражение нетерпеливого ожидания на лице последнего вскоре сменилось откровенным скепсисом.

– Вы думаете?

– Да?

– Вы гарантируете?

– Нет.

Некоторое время по получению «заверений» МНС старательно разрабатывал кожу на лбу. Думал, значит. Размышлял.

– Ну, что ж, – вздохнул он. – Делать нечего: вариантов-то Вы не предлагаете.

Во избежание продолжения медиум ловко нырнул глазами в пол. По причине «исчезновения цели» МНС переключил взгляд на СБ.

– Ты, я и этот... фокусник-минималист...

Доза яда в голосе МНС оказалась бы смертельной для неподготовленного товарища. Но «фокусник-минималист» был товарищем подготовленным. Кожу его продубили не только «ветры перемен», но и кулаки разочарованных клиентов. Поэтому он только вздрогнул, «лежа» глазами на полу.

– ... втроём перемещаемся сейчас в Мавзолей... На вторую серию...

Глава пятая

... – Владимир Ильич, Вы здесь?

– «Да».

– Вас не смущает, что мы перебазировались в усыпальницу?

– «Нет».

– Ну, и как Вы сами себе?.. Виноват.

МНС постучал себя по лбу: опять забыл о том, что форма не соответствует содержанию.

– Владимир Ильич, Вы видите это тело?

– «Да».

– Оно Вам нравится?

– ...

Глядя на МНС, медиум укоризненно покачал головой.

– Извините, Владимир Ильич, – невозмутимо поправился МНС, – возможно, я не совсем точно сформулировал вопрос. Но я спрашиваю не из любопытства. Дело в том, что Ваш «контактёр»...

И опять МНС впрыснул в медиума солидную порцию яда – но тот даже не поморщился. Вероятно, МНС был далеко не первым по части впрыскивания. В результате медиум стал настолько невосприимчивым к рядовым дозам, что из его крови уже можно было делать сыворотку.

– ... так, вот этот товарищ предлагает... ну, то есть... высказал такую мысль... словом, он хочет переселить Вашу душу в тело. Поэтому я и интересуюсь, удобно ли Вам будет там?

– «Нет».

– Почему?.. Ой: опять я... Как бы это.. попонятнее... Вам не нравится тело или не верите в успех? Тьфу, ты: опять забыл!

МНС с досадой покосился на медиума, то ли обвиняя того в «дефектах связи», то ли «приглашая к сотрудничеству». Но так как «эксперт» вовремя – для себя – абстрагировался, пришлось МНС «впрягаться в хомут» соло.

– Разобьём вопрос на два. Итак, первый: Вам не нравится тело?

– «Да».

– «Да» – «да», или «да» – «нет»?

– «Да – «нет».

– А в успех, значит, Вы верите?

– «Нет».

– И здесь – «нет»!

МНС полыхнул ироническим взглядом в медиума. Тот не успел сгруппироваться – и оказался «раненым». А по этой причине – и не способным к сопротивлению. Хотя бы – на уровне возражений.

– Попробуем.

Медиум старательно избегал лобового столкновения взглядов с заказчиком. Уверенности в его голосе также не прибавилось.

– Владимир Ильич, я сейчас буду совмещать Вашу душу с телом. Вы готовы?

– «Да».

– И по-прежнему не верите?

– «Нет».

– Но хоть мешать не будете?

– «Нет».

– Тогда начали.

К удивлению и разочарованию МНС, медиум не стал выкладывать на стол ни карт, ни графиков, ни геометрического инструментария, ни магических шаров. Вместо этого он сосредоточился, сдвинул брови и зашевелил ушами. Сдвигал и шевелил он ими до тех пор, пока в изнеможении не откинулся на спинку стула.

– Ну? – в унисон выдохнули МНС и СБ.

– Он уже там.

Медиум смахнул со лба трудовой пот.

– Где? – дружно не поняли заказчики.

– Там.

Медиум перекатил голову «на другой бок» и скосил глаза на саркофаг.

– Шутите! – недоверчиво хмыкнул МНС. – А чего ж он тогда не подаёт, так сказать, признаков? Шевельнулся хотя бы, что ли!

– Оживлять надо.

Из тактических соображений медиум несколько перебирал с голосом умирающего.

– А Вы чем занимались?!

Изумление МНС при всём желании нельзя было отнести к оптимистическому. Но медиум удивился бы, скорее, обратному.

– А я оживлял, – продолжил он «умирать голосом».

– А я не верю! – «поблагодарил за труды» МНС. – Не обязан! Так что, дозволейте «вложить персты в раны»!

– Покличьте его!

– Тегу-тегу, что ли? – хохотнул МНС.

Невзирая на обстановку и отсутствие поводов для оптимизма, СБ решительно поддержал товарища. Медиум обиделся – хотя осмеивали его явно не первый раз в жизни. И не только «по линии вокала».

– Зачем: по имени! Если не откликнется – значит, он уже там.

– А когда оживлять будем?

– Когда подзаряжусь. Вы же видите, что я – на пределе.

– Ладно.

МНС устало махнул рукой. Он тоже был на пределе, о чём не замедлил информировать «подрядчика».

– Но если он откликнется «по прежнему адресу», я тебя так подзаряжу, что ты месяц искрить будешь!

Медиум побледнел и заёрзал в кресле: видимо, уже начал подзаряжаться.

– Владимир Ильич, Вы здесь?

«Ни «ау?», ни отклика на моё «ау?» – как пелось в одной старинной песенке.

– Владимир Ильич?

Лицо медиума начало восстанавливать оригинальный цвет. Даже улыбка «сверх плана» заиграла на его губах.

– Ну, я же го...

Он не успел договорить: его отвлёк громкий стук. Это на крышку саркофага упала записная книжка МНС. Как она выпала из кармана – чёрт её знает, но только она выпала вместе с «паркером», а, упав, раскрылась на чистой странице. Следом к саркофагу подтащило – именно так: подтащило! – МНС. Его словно кто-то дернул за руку, оснастил её ручкой, приставил к листу – и она начала писать! Слышно было только, как мягко шуршит по бумаге золотое перо: по причине всеобщей утраты дара речи в помещении воцарилась тишина.

Через две минуты рука «получила вольную» – и МНС в изнеможении осел на пол.

– Что там?

На более развёрнутый вопрос у него не было сил. Напрочь забыв и о разрядке и о подзарядке, медиум дрожащей рукой приподнял над стеклом лист.

«Хватит мучить человека! Это я – о медиуме: выдохся, бедняга. И то: чуть шею мне не свернул, когда пытался затащить в мумию. Предлагаю тет-а-тет!».

Закончив оглашение послания, медиум присоединился к МНС. Там же – на полу.

– Не верю!

МНС уже оказался в состоянии оппонировать.

– Это ты меня загипнотизировал и внушил!

– Да я всё это время отвечивал челюсть! – ударил себя кулаком в грудь медиум: забылся, что по роли изнемогал.

– Свидетельствую, – неожиданно пришёл ему на помощь СБ. – Перед тем, как отвесить свою челюсть, я заметил, что меня опередили.

– Не может быть!

МНС выразительно округлил глаза.

– Этого не может быть, потому что...

Классического окончания в духе чеховского героя не получилось: МНС снова «привлекли к труду».

– «Товарищ, почитайте книжку некоей Баркер „Письма усопшего, или послания с того света“! Вам всё станет ясно и понятно!»

– А что же Вы сразу не использовали её метод?

Под смелый вопрос МНС мужественно нырнул головой в плечи. Но мог бы и не нырять: Ильичу требовалась лишь его рука.

– «А я сам её только что прочитал. Во время вашего тайм-аута».

– Понятно.

МНС смахнул пот со лба.

– Значит, мы, наконец, можем говорить предметно? И без этого?

Он выразительно посмотрел на увлечшегося прострацией медиума.

– «Конечно. Пусть товарищ идёт домой. Только поблагодарите его».

– Мы его уже... «поблагодарили».

МНС с грустью посмотрел на исхудавшее портмоне.

– «А – второй?»

– Это – СБ, Владимир Ильич. Служба Безопасности, то есть.

– «А, ну это – другое дело: наш товарищ. И так, чем, так сказать, могу?»

– Владимир Ильич... Виноват, одну минутку.

МНС помог медиуму встать на ноги. Посредством ноги. Заодно и поблагодарил его – тем же способом.

– Всё, Владимир Ильич: площадка зачищена.

– «А proros, Вы можете не надрывать голосовые связки. От Вас требуется всего лишь не запирайте от меня мысли. На худой случай, можете проговаривать текст про себя. Поверьте: очень рациональная форма связи».

– Это тоже... оттуда... из этой... как её... из Баркер?

– «Да».

– Я постараюсь, Владимир Ильич. Ну, а если буду «отходить от линии», то Вы не стесняйтесь: поправляйте.

– «Ладно, не постесняюсь. И так?»

– «Владимир Ильич, спасайте!»

МНС уже перешёл «на новую АТС». Правда, этот SOS он подал не мыслями, а, проговорив его про себя: не освоился ещё. Да и от волнения куда денешься? Разве, что – в слова.

– «Точнее: нужны советы?»

– «Советы?»

МНС выразительно округлил глаза и отвесил челюсть – как если бы он был свежееударенным по голове. Хотя, отчасти так оно и было: его ударило мыслью. Той самой, которая должна была прийти сразу, но пришла в точном соответствии с «народной» установкой «Хорошая мысль приходит опосля».

– Владимир Ильич... Виноват... «Владимир Ильич, я сейчас подумал, что одних советов будет недостаточно. Придётся Вас оживить».

– «Зачем – если вам нужны советы?»

– «Советы – хорошо, а голова – лучше!»

– «Надеюсь не одна, а в комплекте?»

МНС коротко хохотнул: потусторонний собеседник был вполне посюсторонним.

– «Разумеется, Владимир Ильич: «Вы с головой».

– «Позвольте не считать это комплиментом: голова у меня действительно имеется».

– «И ещё, какая, Владимир Ильич!»

– «А Вы мне нравитесь, молодой человек! Я бы даже сказал: Вы делаете успехи!»

МНС зарделся от смущения: никогда ещё его не хватил Ленин. Пусть даже от похвалы слегка отдавало крыловским «Кукушка хвалит петуха...». Состояние было невероятно приятным. И МНС не прочь был бы задержаться в нём – да не позволили. И не столько дела, сколько человек «на том конце провода».

– «Но какая надобность в оживлении? Зачем такие сложности? Я и отсюда могу дать ответ на любой вопрос!»

МНС нехотя вышел из состояния душевной благодати. Судя по всему, предстояли непростые переговоры: Ленин явно не рвался в российскую действительность из своего «зазеркалья»... почему-то.

– Владимир Ильич... Ой: «Владимир Ильич, я полагаю – извините, что я смею полагать в Вашем присутствии...»

– «Ничего, ничего, молодой человек: Ваша скромность делает Вам честь!»

– «Благодарю, Владимир Ильич. Так вот, я полагаю, что вождь не может стоять за ширмой, и, так сказать, всего лишь подавать реплики. Кроме того, следует учитывать моральный фактор. Представляете, как Ваше появление вдохновит массы – и «совсем наоборот» режим? И, потом: Ваше руководящее начало не может быть от случая к случаю: оно должно быть непрерывным. А как оно может быть непрерывным, если я даже покликать Вас не могу без медиума? А контакт по методу Баркер – односторонний... В смысле инициации. Только Вы можете выйти на связь со мной... с моей рукой и мозгами. А Вы ведь не можете всё время «стоять на стрёме!»

– «Виноват, не понял?»

– «Это я виноват, Владимир Ильич. Простите. Я хотел только сказать, что Вы не можете всё время находиться...»

МНС задумался: требовался точный и красочный эквивалент словам, так понятным каждому современнику.

– «О: в полной боевой готовности! У Вас ведь могут быть и свои дела. Там, книжку почитать, с людьми пообщаться... ну, то есть... Ну, Вы меня понимаете».

– «Да, в Ваших словах есть резон».

МНС записывал реплики Ильича, совершенно не чувствуя руки. В любой другой обстановке она бы уже онемела от напряжения, но сейчас он ощущал удивительную лёгкость в рабочей конечности. Так, словно это была взятая напрокат рука – или механизм, работающий от электричества.

– «Что значит – потусторонний мир: совсем другой уровень техники!»

Эту мысль МНС подумал не для Ильича. Она вырвалась случайно – но Ленин её услышал.

– «Да, „по части бытовых удобств“ тут есть некоторые преимущества. Но только – пока Вы здесь».

– «Не понял?»

– «Как Вы думаете, почему я так упираюсь ногами от возвращения?»

Записав вопрос, МНС автоматически пожал плечами, даже не успев его обдумать.

– «Это – такая морока, доложу я Вам! Сопромат изучали?»

– «Ну... в общих чертах...»

МНС устыдился своей технической неграмотности. Хотя ему было простительно: гуманитарий – что с такого возьмёшь?

– «Чудовищное сопротивление при переходе из одной среды в другую! Сплошные перегрузки! И, что самое неприятное – никаких гарантий!»

В сердце у МНС похолодело от нехорошего предчувствия.

– «Никаких гарантий чего?»

– «Никаких гарантий перевоплощения! То есть, на то, чтобы внедриться в оболочку. Я могу существовать в материальном мире бестелесным. Но, насколько я понял, Вам нужен образ».

– «Нужен, Владимир Ильич. И не просто образ: Ваш образ».

– «И ещё один момент. Все „наши“, кто побывал „у вас“, обезличивались. И именно – в момент перехода. То есть, превращались в среднестатистического духа „по фамилии Иванов“ „без опознавательных знаков“. Иначе говоря: теряли индивидуальность».

– «Но почему?!»

– «Таков формат перехода».

МНС решительно упал духом: откровения были, одно «оптимистичнее» другого.

– «А что же делать?! Неужели нет никакого выхода?»

Секундная пауза показалась ему вечностью. Хорошо ещё, ответ не разочаровал.

– «Есть, почему же».

– «Какой?!»

– «Воскресить меня в теле. В моём теле. В этом самом. Лишь в нём я буду Лениным. Вне его я могу быть Лениным только отсюда, из нашего измерения. Но...»

– «Опять „но“! Ой, извините, Владимир Ильич!»

– «Ничего-ничего! Так вот – об этом „но“: никто ещё не перевоплотился в себя».

– «Почему?»

МНС устал вздрагивать. Но ничего, «более позитивного», «Ильич оттуда» пока не предлагал.

– «Большинству это не нужно, а все остальные не смогли».

– «Как это „не нужно“? Как это может быть не нужно?»

– «Не горячитесь, товарищ! Без оболочки легче перемещаться. Можно всюду проходить без мандата. Да и груз личности не давит».

– «Своя ноша не тянет, Владимир Ильич!»

– «Тянет, молодой человек! Ещё, как тянет: воспоминания – штука не всегда приятная...

Так что очереди на перевоплощение у нас не наблюдается. Да и никто толком не знает механики дела. Так, что...»

Используя все аргументы, МНС ещё раз упал духом. Теперь уже – совсем. Вероятно, контрагент почувствовал это – и не стал напрягать руку потомка, благородно дав ему возможность спокойно побыть в прострации.

– Да, дела...

МНС щедро поделился декадентским взглядом с СБ – не участником, но свидетелем «эпистолярного жанра». Тот в ответ лишь сокрушённо развёл руками.

– И что нам остаётся?

– «Я могу подключиться?»

Ильич уже напряг руку МНС.

– Конечно, Владимир Ильич: что мы без Вас?

От расстройства чувств МНС даже забыл об условиях контакта – и «вышел в эфир открытым текстом».

– «Я готов к сотрудничеству с Вами в материальном мире. Но для этого к моему содержанию мне нужна форма! Моя форма – та самая, что лежит под крышкой! И это не всё: в Вашем мире мне нужен мой мозг! Только при этих условиях я – земной Ленин!»

– «Форма и мозг»...

МНС не порозовел от подсказки, а напротив: побледнел. Ведь подсказка ничем не отличалась от пожеланий живой воды или молодильных яблок. Ничем – в плане «реальности» получения.

– «Вы поняли?» – напомнил о себе Ильич. МНС спохватился.

– Понял, Владимир Ильич. Не понял только – как?

– «Здесь мы этого не знаем: думайте. Только учтите: если вы загрузите меня в тело и не сможете оживить, я останусь в нём навсегда. Я останусь навсегда в мёртвом теле. Без пользы для дела и для себя. Одно лишь утешает: вряд ли я буду мучиться слишком долго»

– Почему?!

– «Скорее всего, моё существование прекратится в момент погружения».

Диктант закончился. Прочитав «завещание», МНС обхватил голову руками. Потому, что ставка – больше, чем жизнь. И не только Ленина. И уже – не в кино...

Глава шестая

Больше Ленин на связь не выходил – и МНС с СБ в расстроенных чувствах покинули Мавзолей. По дороге не хотелось говорить ни о чём: все мысли упирались в одну тему. В ту, которой, с какого бока не коснись – а всё плохо выходит.

Весь день МНС «отсутствовал»: на вопросы отвечал односложно, реплик не подавал, от участия в оппозиции решительно уклонялся. СБ, могущий быть не только «чекистом из тридцать седьмого», деликатно не стал утомлять коллегу присутствием. А глубокой ночью его разбудил телефонный звонок. Спросонья нащупав трубку, СБ услышал ликующий голос МНС:

– Мумия!!!

– Что «мумия»?

СБ с тяжким вздохом покосился на старомодные часы с кукушкой: была половина третьего то ли ночи, то ли утра. А завтра – «бой: покой нам только снится!». Даже не завтра: сегодня. И отгула за переработку не предвидится.

– Нам поможет мумия!

– Чья?

– Ленина – но на основе знаний о мумиях египетских!

– Почему египетских?

– Ну, а каких ещё?!

СБ мужественно скрипнул зубами – и отбросил одеяло: ночь грозила скоропостижно кончиться.

– Вспомним, что мы знаем о них?

МНС и не подумал снизойти к режиму.

– Может, утром вспомним? – не удержался от зевка СБ. – На свежую голову? А?

– Чёрт с тобой!

МНС негодовал. Чувствовалось, что он совсем не расположен спать – и поэтому не испытывает пиетета к расположению других. И ещё чувствовалось, что он искренне огорчён столь прохладным отношением к тому, что он сам бы определил, как «души прекрасные порывы». Пусть и вслед за автором определения.

– Какой ты, всё-таки, прозаический человек! Ладно, спи!

В трубке зазвучали короткие гудки...

...На следующее утро СБ опоздал на работу. Но МНС зря ругал его: СБ опоздал не один, а в обществе известного египтолога, сочувствующего не только древнегреческим фараонам, и но и современным коммунистам.

НЕ – так его называли в «кругу посвящённых». Это не являлось ни отрицательной частицей, ни фамилией гражданина корейской национальности. В плане конспирации товарищ не отставал от коллектива: НЕ работало аббревиатурой от «Нашего Египтолога». «Нашего» – во всех смыслах. В том числе – и в родстве душ. Политических. В менее сокращённом варианте товарищ звучал как Египтолог. Как минимум, откликался на эти позывные.

– Я думаю, консультация нам не помешает? – улыбнулся СБ: МНС так и не удалось израсходовать в его адрес «домашние заготовки».

– Реабилитирован, – сдался МНС. – Прошу на кафедру, дорогой НЕ.

– Нет, это Вы мне вначале кое-что объясните!

НЕ исполнился вопросительного взгляда. МНС не оставалось ничего другого, как вкратце посвятить египтолога в события прошедших суток.

– Если я Вас правильно понял, то Вы...

– Да! – не вполне корректно, зато вполне решительно оборвал его МНС. – Пример оживших мумий!

– «Оживших»?

В голосе египтолога зазвучали иронические нотки.

– Ну, оживлённых! – раздражённо поморщился МНС. – Вопрос терминологии – неприципальный. Не форма главное, а суть!

– А где Вы видели ожившие... хорошо: оживлённые мумии?

– То есть?

У МНС подкосились ноги: вопрос был с претензиями на хук правой.

– В голливудских фильмах, наверно? – под добродушную улыбку продолжил уязвлять НЕ.

МНС побледнел.

– Но ведь даже Картер... и вся его команда...

– А где доказательства, что с ними «разобралась» мумия?

Египтолог не перебивал МНС: он всего лишь не дождался продолжения.

– Но ведь какого-то чёрта всё это делалось?! – использовал последний довод МНС. Довод был из числа тех, что никакой наукой не отразишь – и НЕ сдался.

– Хорошо: убедили. Тогда давайте разбираться вместе.

МНС обронил несколько капель пота, шумно перевёл дух и обменялся парой оптимистичных взглядов с СБ: встреча проводилась в формате тройки. В классическом формате, то есть.

– Итак, что нам известно о мумиях?

Вот теперь НЕ «взошёл на кафедру».

– Первобытные стадии веры в загробную жизнь были связаны с представлением о неразрывности существования души и тела. Чтобы обеспечить эту неразрывность, требовалось сохранить в неизменности... ну, или близко к этому, все элементы человека. Отсюда с неизбежностью вытекала забота о теле покойника. В этом деле присутствовали три момента: желания, знания и климат. Воедино это сошлось только у древних египтян.

– Вот!

МНС торжествующе покосился на СБ: помянул, таки, ночную оппозицию Египту. Под добродушную улыбку СБ развёл руками: осознал и «исправился».

– Я могу продолжить? – экономно усмехнулся Египтолог.

– Извините, профессор! – «капитулировал» уже МНС.

– Так, вот... Мало того, что у них имелся благоприятный климат: сухой, великолепный консервант – они ещё всегда желали восторжествовать над природой.

– Вы имеет в виде разложение? – уточнил СБ: он и в теории оставался практиком.

– Конечно. Они всегда хотели сделать тело неразрушимым. Ну, чтобы оно олицетворяло способность ко всем жизненным проявлениям.

– Для чего?

МНС показалось, что лектор подошёл вплотную к основной теме повестки.

– Душа обязана вернуться в своё тело. Вы, конечно, слышали о пирамидах? – усмехнулся НЕ.

– И даже видел их, – не остался в долгу МНС. – Непосредственно в месте дислокации.

– Так, вот, пребывание умершего царя в пирамиде, по верованиям египтян – это цепь его пробуждений к жизни и уходов на небо. Оживать и вести жизнь должен был сам труп.

– Вот!

Ликуя, МНС взметнул над головой руку с оттопыренным указательным пальцем – но уже не по адресу СБ.

– Что и требовалось доказать!

НЕ скептически покривил щекой.

– Требоваться-то требовалось – но пока ещё не доказано ничего.

Мы пока освещаем только вопросы теории. И не надо их подтягивать за уши к своим желаниям.

МНС со смущенной улыбкой на лице поднял руки вверх.

– И это правильно! – одобрил НЕ. – Так, вот: чтобы вести эту жизнь и не оборвать цепи, умерший должен был собрать кости и члены. А для того, чтобы собрать их, он прежде должен был их найти. Отсюда – и забота о сохранении «тела в теле», и забота о сохранении тела в специальном хранилище. В том числе – и для того, чтобы «не ошибиться адресом».

– Это понятно.

МНС «включился» не случайно: НЕ слишком основательно подходил к вопросу. И товарищу следовало корректно указать на это. Потому, что кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая.

– Непонятно другое: зачем духу кости? Вести жизнь он мог бы и духом?

– А Вы любопытны, мой друг, – одобрительно хмыкнул Египтолог. – И недалеко от истины. Но дело в том, что в Старом царстве Египта души представлялись созданиями плотскими – только невидимыми. Вот Вам и весь сказ.

– Как это «весь»?! – возмутился СБ. – А техника производства?

Египтолог рассмеялся.

– Нет. Не подумайте, что я уклоняюсь от обязанностей. «Весь сказ» относится только к душам во плоти. Что же – до мумий... Слово это – арабское и значит «асфальт». Впервые европейцы узнали о мумиях от Геродота. Этот историк описывал три способа приготовления мумий. Первый был применен Анубисом, Гором и Тотом к самому Осирису. Это был самый дорогой и совершенный способ, и обходился он в талант серебра. По этому способу мумию делали так. Вначале железным крючком извлекался через ноздри мозг. Затем через разрез, сделанный каменным ножом, извлекались внутренние органы. Освобождённое «от начинки» тело изнутри вымывалось пальмовым вином и наполнялось благовониями. Начинённое уже благовониями тело клали на семьдесят дней в соляной раствор, омывали и заворачивали в тонкое полотно, разрезанное на ленты. Этот способ позволял сохранить тело наиболее приближённым к «оригиналу». Мумия получалась на редкость прочная, изумительного жёлтого цвета.

– А второй способ?

– Ну, второй был проще. Для начала внутрь тела заливали кедровое масло, которое уничтожало внутренности. Потом тело освобождали от этого раствора вместе с растворёнными органами, и помещали труп в соль.

Как видите, мороки значительно меньше, чем в первом случае. Третий способ был ещё проще: живот очищался редечным маслом, после чего труп помещался в соль на те же самые семьдесят дней.

– А Ленин?!

Глаза у МНС заблестели так энергично, словно он уже нащупал решение проблемы. При «некотором содействии» Египтолога, конечно.

– Как бальзамировали тело Ленина? Вы, случайно, не в курсе?

– Ну, это, конечно – не вопрос египтологии.

НЕ уже не усмехался. Он даже «сошёл с кафедры». Хотя бы потому, что Ленин – это не фараон: он значительно ближе по времени и по духу. Ему, идейному Египтологу – в том числе. И идейному не в плане идей Древнего Египта и современной египтологии. Поэтому, не зная ещё причин интереса МНС, НЕ уже догадался, что вопрос о бальзамировании Ленина не случаен. Как и его контекст с древними мумиями.

– Но я, «случайно», в курсе. Готов и вас ввести.

МНС и СБ нетерпеливо заёрзали в своих креслах.

– Итак, Владимир Ильич Ленин умер, как вы, наверно, помните, двадцать первого января тысяча девятьсот двадцать четвёртого года.

– А, вот, отчего он умер?

В СБ проснулся... нет, не оперативный: обывательский интерес. Личности великих привлекают всем. Даже – обстоятельствами смерти и разложения трупов.

– Я слышал, что он...

– Намекаете на сифилис? – спокойно уточнил египтолог.

В доперестроечные годы будущий СБ смутился бы... Нет, пожалуй, и тогда не смутился бы. Потому, что не задал бы такого вопроса. Не посмел бы. Разве, что – у себя на кухне. На ушко проверенному другу. А сейчас он не смутился не только «от времени», но и «по должности».

– Ну, ходили такие сплетни...

– Это – не сплетни, – «утешил» его НЕ. – Такой диагноз Ленину действительно ставился. В числе прочих... неверных.

– «Неверных»?!

В возгласе СБ послышалось облегчение и даже радость: он явно переживал по поводу «неблагозвучного» диагноза вождя.

НЕ лаконично кивнул головой.

– Да. Все три последних диагноза были неверными: неврастения, хроническое отравление свинцом, сифилис мозга.

– Значит, причина смерти...

– Вполне добропорядочная и пристойная: атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания. Это – дословная фраза из «Заключения». И дальше: «В результате сужения просветов артерий мозга от недостатка подтока крови – очаговые размягчения тканей мозга».

– То есть?..

СБ выразительно покрутил пальцем у виска.

– Ну, в какой-то мере... – уклонился от более точного ответа НЕ.

СБ с тревогой посмотрел на МНС: «вот, те, бабушка, и... дедушка Ленин!» Взгляд этот был явно не на тему: «не успел обрадоваться, как опять надо огорчаться!».

«Содержание» взгляда не ускользнуло от Египтолога. Теперь уже он заинтересованными глазами – но стараясь не выдавать своего любопытства – покосился на МНС. Обоих ждало разочарование: МНС никак не отреагировал ни на один из взглядов.

– А какой была непосредственная причина смерти?

– Что значит оперативный работник!

НЕ уважительно покрутил головой в адрес СБ.

– Сразу чувствуется профессиональная хватка! Так, вот: непосредственной причиной было названо усиление нарушения кровообращения в головном мозге с кровоизлиянием в мягкие мозговые оболочки. Анатомический же диагноз был таким: атеросклероз артерий с резко выраженным поражением артерий головного мозга, плюс множественные очаги размягчения в левом полушарии в периоде превращения в кисты.

И опять СБ с тревогой посмотрел на МНС.

– Но никаких указаний на сифилис ни в сосудистой системе, ни в органах обнаружено не было.

Дубль утешения почему-то не слишком утешил СБ: озабоченности на его лице не стало меньше.

– При вскрытии было обнаружено шесть зонт провалов коры мозга, в том числе и в лобной доле, которая отвечает за интеллект.

Вот теперь вздрогнул и МНС. Египтолог не понял ещё причины, но уже понял закономерность: реакция слушателей наступала сразу же, как только речь заходила о поражении мозга Ленина. Он не понял ещё, в связи с чем такая болезненная реакция «постфактум» – но понял, что она, как минимум, неспроста.

– Левое полушарие потеряло треть своей массы. А основная артерия, которая питала две трети всего мозга (внутренняя сонная), при самом входе в череп была твёрдой и забитой известью... Может, я что-то не то говорю?

Египтолог не выдержал: ему казалось, что каждое его новое слово отрабатывает за порцию соли на свежие раны аудитории. И он посчитал себя обязанным внести ясность в вопрос: «тварь ли он дрожащая, или право имеет?».

– Нет-нет!

Задействовав и голос, и руки, МНС поспешил успокоить «докладчика».

– Продолжайте, пожалуйста! Нам важно всё, что Вы скажете. И не обращайтесь внимания на нашу реакцию: чуть позже мы всё объясним. Итак, с причиной более-менее ясно. А что, там, с бальзамированием?

Египтолог насупился: ответ он получил – но яснее от этого не стало. Однако его дело – отвечать на вопросы, и он не решился «переписывать сценарий». В части более продолжительного и энергичного выражения недовольства.

– Я не буду говорить о причинах, которые побудили сохранить тело Ленина на неопределённо долгое время. Их известно много, а в точности – ни одной.

– «И гений, парадоксов друг»! – хлопнул в ладоши МНС. – Браво, НЕ: великолепный образец софистики!

НЕ с достоинством отработал головой: поблагодарил за комплимент.

– Я буду говорить только о факте бальзамирования. Первое лёгкое бальзамирования на время похорон сделал профессор Абрикосов. Но тело начало быстро изменяться. А тринадцатого марта, через полтора месяца после похорон, всё ещё не было решения ни о сохранении, ни о захоронении тела Ленина.

– Почему?

– По причине отсутствия гарантий такого сохранения. Но уже на следующий день, наконец-то, решение было принято: сохранить тело Ленина при низкой температуре. Известному большевику Красину было разрешено закупить в Германии специальное холодильное оборудование. Красин предлагал заморозить тело Ленина с предварительной фиксацией его формалином и пропиткой глицерином.

– И? – в унисон выдали МНС и СБ.

– Против выступил Борис Ильич Збарский. Он сказал, что этот метод несовершенен. Да, он согласился с тем, что тело при температуре минус десять – минус двенадцать градусов не будет изменяться. Но тут же «убил» комиссию тем, что нет никаких гарантий бесперебойной работы установки. А вдруг авария? А вдруг перебои с электричеством? Несколько часов без электричества – и все труды насмарку: тело разморозится, деформируется, и восстановлению уже не будет подлежать. Это – как в современных холодильниках: однажды размороженное мясо уже не рекомендуется замораживать повторно. Довод Збарского никто – даже сам Красин – не пытался оспорить. Потому, что закон Мёрфи: «Если неприятность может случиться, то она обязательно случится» – в нашей стране имеет перспектив больше, чем в какой-либо другой.

МНС усмехнулся.

– Верно до сих пор. И что было дальше?

– А дальше Збарский сказал, что харьковский профессор Воробьёв научился сохранять тела умерших в почти идеальном состоянии. Воробьёв пытался отказаться «от высокой чести» – но не смог. Не устоял перед энергичным Збарским. Хотя вначале он и предложил идею

поместить тело Ленина в серебряный сосуд с бальзамирующим раствором. Предложил из чувства здорового страха перед ответственностью. Идею осмеяли – и правильно: что может быть кошунственной плавающего в жидкости трупа? В конце концов, Воробьёв сдался – и применил свой испытанный метод.

– Какой? – разом выдохнули МНС и СБ.

– Он пропитал ткани спиртом, глицерином и ацетатом калия.

– И результат?

– Результат – в Мавзолее. Восемнадцатого июня тело осмотрели родные Ленина. И брат Дмитрий сказал, что Владимир Ильич выглядит лучше, чем в первый день после смерти. Двадцать шестого июля, после доводки тела, его осмотрела правительственная комиссия во главе с Держинским. В акте записали буквально следующее: «общий вид приближается к виду недавно умерших». Было также отмечено полное сохранение объёмов, форм и всей клеточной и тканевой структуры.

При этих словах МНС и СБ опять обменялись взглядами – но уже совершенно другой, мажорной тональности.

– Этого оказалось достаточно для того, чтобы первого августа Мавзолей был открыт для посещений.

Затянувшуюся паузу – по причине отсутствия желающих – разорвал сам «докладчик». И, как оказалось, не для того, чтобы продолжить то, что ещё Маяковский определил как «Время, начинаю про Ленина рассказ...»

– Я ответил на ваши вопросы. Могу я теперь узнать, к чему всё это?

СБ хотел переглянуться с МНС, но не смог. По техническим причинам: в одиночку не переглядываются – а товарищ не захотел участвовать.

– Вы – член партии и наш друг, – запросто сказал МНС. – И поэтому я могу быть с Вами откровенным.

Возможно, общение с мумиями и научило Египтолога выдержке. Но сейчас продемонстрировать её он не смог. Напротив, он весь напрягся – и даже подался вперёд. Ну, как и положено в классической сцене ожидания.

– Нам нужен он.

– Кто «он»?

– Ленин!

Ошеломлённый Египтолог повёл пальцем в сторону портрета на стене. Палец отработывал и за вопрос, и за изумлённый взгляд.

– Угу! – смежил веки МНС.

– В каком формате?

НЕ уже «вернулся» настолько, что сподобился на вопрос. Оно и понятно: мумии фараонов – более лёгкая тема.

– Мы хотим оживить его.

– Того, который в Мавзолее?!

НЕ задал вопрос не столько голосом, сколько глазами – так он был потрясён масштабом замысла. А ещё больше – нахальством и безрассудством его авторов. Ведь до сего времени мумии «оживали» только в Голливуде да в сказках на тему «загадочных» смертей участников экспедиции Картера.

– В тандеме с тем, который там.

И МНС отметил взглядом в потолок.

– ???

Вместо ответа МНС раскрыл блокнот. НЕ долго скользил глазами по неровным строкам, то и дело возвращаясь назад, к прочитанному. Наконец, он отодвинул блокнот от себя.

– А Вы...

– Нет.

– А он?

– Да.

– Но этого не может быть!!!

– И это говорите мне Вы, профессиональный египтолог?!

МНС основательно загрузил НЕ укоризной.

– Это ведь – мой текст! Это я должен брыкаться – а Вы меня уговаривать и даже убеждать!

НЕ усмехнулся и покачал головой.

– Да, по статусу египтолога мне, вроде бы, полагается верить во всю эту чушь... хотя бы самую малость... Но... Но как можно в это поверить?! Мы же – современные люди! Мы же – не голливудские персонажи! Оживление мумии! Чушь! Бред сивой кобылы!

– А это?

И МНС кивнул головой на раскрытый блокнот. Не снимая с лица выражение скепсиса, Египтолог неопределённо пожал плечами. Этот довод его, кажется, тоже не убеждал.

– Ладно, «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» – взмахом руки поставил точку в дискуссии МНС.

– Можешь не верить, но помогать обязан? – покривил щекой НЕ.

– Да.

– Но ведь это – бред!

– «Да» или «нет»?

Некоторое время Египтолог разговаривал сам собой – жестами и мимикой. Наконец, он решительно взмахнул рукой – так, словно отрезал себе пути к отступлению.

– Хорошо: я согласен. Чего Вы ждёте от меня?

– Разумных советов.

– Разумно, – усмехнулся НЕ. – Но давайте их вырабатывать вместе: я один не осилю. А лаврами будем делиться потом... если будет, чем делиться.

– Согласен.

МНС протянул руку, которая недолго оставалась «неохваченной взаимопониманием».

– Итак?

МНС вопросительно уставился на Египтолога.

– ???

Египтолог ещё более вопросительно уставился на МНС.

– Это вы уже обмениваетесь советами? – хмыкнул СБ. – Тогда и я могу подключиться – и на достойном уровне.

– Какие мысли? – уточнил МНС – и Египтолог удалил знак вопроса из глаз. Вместе с вопросом.

– Ну, процесс бальзамирования древние египтяне сопровождали магическими заклинаниями и сложными обрядами...

– Вот-вот! – энергично подхватил МНС. – Это уже кое-что! И что нам это даёт?

Египтолог не удержался от иронического хмыканья: энтузиазм МНС оригинально сочетался с вопросом. Так сказать: «Вот это то, что нам нужно – а что это такое?»

– Ну, мы могли бы... попробовать...

– Только попробовать?

– Только попробовать...

– Оживить? – стимулировал творческую активность Египтолога СБ.

– Ну, зачем так радикально! – поморщился НЕ. – Не оживить, а использовать древний обряд.

– А Вы его знаете?

– Ну, в общих чертах... Но я думаю, в данном случае важна не форма, а принцип.

– Предлагаете упростить? – догадался МНС.

– Да.

– Осовременить?

– Ну, зачем так сразу?

НЕ почти обиделся. Он усмотрел в вопросе намёк на частичную несостоятельность – и не зря. Намёк действительно имел место быть – и как раз, на тему несостоятельности.

– Всего лишь сократить. Вряд ли имеет смысл в работе с мумией Ленина использовать местечковые – пардон за терминологию – заклинания с участием Ра, Осириса, Гора, Тота, Ану-биса и прочих «товарищей местного значения». Наша мумия имеет полное право не откликнуться. Не «купиться», так сказать, на эту туфту.

– Логично, – усмехнулся МНС. – Тогда не будем терять время?

– Будем!

Теперь усмехался уже Египтолог.

– Не понял?

МНС и лицом соответствовал тексту.

– Вы ведь слышали, как готовится мумия?

– Ну?

– Что «ну»?

– Ну, слышали, слышали!

– И что вы услышали?

– Послушайте, НЕ...

– Понял!

Египтолог не позволил теме развиваться в нежелательном направлении. Осознал, так сказать.

– Так, вот: первым делом извлекается мозг!

– Ах, ты...

Даже присутствие работника умственного труда не помешало МНС продолжить фразу а ля русс. Из этого нетрудно было сделать вывод о том, что он понял всё – и понимание не добавило ему мажорных ощущений.

– И что же делать?

– Как что? Заняться мозгом, конечно! И – в первую очередь! И уж, если... тогда, конечно...

МНС выдал ещё порцию словесного минора – и повернулся к СБ.

– Есть там у нас кто-нибудь?..

Глава седьмая

– Итак, дружище, ждём твоего доклада.

МНС сел – и его место «на кафедре» занял сын одного из заслуженных ветеранов партии, сотрудник НИИ Мозга человека Российской Академии медицинских наук, кандидат этих самых наук. Узкому кругу лиц он был известен как Медик.

– Ситуация с мозгом Ленина такова... Немного предыстории, если позволите?

– Валяй! – санкционировал МНС.

– После того, как мозг извлекли из черепа, он был подвергнут изучению. Изучали солидные дяденьки – как свои, так и приглашённые: Россолимо, Саркисов, Абрикосов, Фохт. Исследовалась, в основном, цитоархитектоника.

– Снизойди, пожалуйста! – усмехнулся МНС.

– Есть, сэр! Так вот, цитоархитектоника – это количество мозговых клеток, их величина, послонное расположение.

– И таким способом хотели вычислить гениальность?

СБ удивлённо покрутил головой. Но Медик и не подумал идти в оппозицию.

– Согласен: наивно. И не только для того времени, но и для нынешнего. Ведь мозг – это не только хранилище колоссального объёма информации, но и совершенный аппарат по её переработке. Будучи мёртвым, он уже ничего не может сообщить исследователям о своих функциях. Определить гениальность по весу? Смешно! Хотя бы потому, что мозг Ленина был среднестатистическим, и весил кило триста сорок. Для примера, у Тургенева вес зашкаливал за два килограмма, а у Анатоля Франса не дотягивал и до килограмма. И что: все трое – гении! Невзирая на различие в массе! Да и различие в массе серого вещества не имеет определяющего значения. Значит, что-то другое. А, вот – что?

Медик вздохнул и развёл руками.

– Возможно, поэтому, в расчёте на будущие успехи науки, мозг Ленина рассекли на тонкие срезы, и каждый поместили между двумя стёклами.

В комнате повисло молчание. Нехорошо, так, повисло. Неоптимистично.

– А я думал, его поместили в банку с каким-нибудь раствором.

СБ выглядел совершенно подавленным информацией: много – не всегда хорошо.

– Или в холодильник...

– И сколько всего срезов?

Лицо МНС было немногим оптимистичнее лица СБ.

– Около двух тысяч.

– Фью!

МНС и «восторгался», и падал духом одновременно. Да и что ещё можно было сказать от таких «бодрящих» цифр?

– Но зато все они – в одном месте!

Медик не поспешил на бальзам. Но то ли бальзам был просроченный, то ли душевная рана – такая незаживающая, только лекарство не действовало. Легче получателям информации почему-то не стало.

Наконец, после тяжёлых непродолжительных вздохов МНС перешёл от мимики к голосу.

– Ты можешь достать мозг? Весь – до последнего среза?

– А то нет? – усмехнулся Медик. – Сегодня им интересуются только совсем уж безнадёжные журналисты. Да и те – по большим праздникам: двадцать второго апреля и седьмого ноября, когда надо очередной раз плюнуть в Ленина и «открыть всему миру ужасную тайну о том, каким закоренелым сифилитиком был вождь революции»... виноват: главарь переворота.

– Неплохо!

МНС благосклонным взглядом оценил литературный изыск Медика.

– Вопросы?

– Один – но я его не задам: сами скажете! В своё время.

– Ну, тогда с Богом – за Лениным!

... – Все?

МНС скользнул удручённым взглядом по пластинкам – и переключился на Медика.

– Все.

– Да, уж – зрелище...

– Согласен: оптимизма мало.

– «Мало»?

Как написали бы в романах, «в глазах у имярек забрезжил свет надежды». Ну, хотя бы – луч. В глазах у МНС тоже что-то забрезжило.

И то же – что-то оптимистическое.

– Значит, полагаешь: не всё потеряно?

– Ну, если ты – не в глобальном аспекте, а всего лишь о пластинках, – усмехнулся Медик, – то не потеряно ничего. Ни одной штуки.

– А...

– А если ты о надежде, то она, как известно, умирает в очередь. Следом за покойником.

– Попробуем оживить? – загорелся глазами СБ.

– Какую из пластинок?

Медик иронически покосился на СБ: здесь он был хозяин. «В гостях» у руководителя службы безопасности он бы и не подумал коситься. Несмотря на принадлежность к одной партии.

– Ну-у... – смутился СБ. Смутился тоже исключительно в силу места. В другом месте смущались уже все другие. И Медик при наличии оснований не составлял бы исключение. – Надо бы собрать до кучи... Ну, хотя бы...

– Склеить?

– ...

СБ ответил себе под нос – но Медик благоразумно воздержался от уточнений.

– А если использовать раздражители?

МНС опять попытался воскресить надежду.

– То есть?

– Только ты не смейся!

– Постараюсь.

– Ну... по телевизору я видел, как оживляли... раздражали... ну, я не знаю ваших терминов... словом, мёртвая лягушка дрыгала лапками. А ещё я читал о том, как целое стадо покойников... тьфу, ты... целый отряд... то есть, куча мертвецов – уже разложившихся – проследовала через какую-то африканскую деревушку. Ты не читал?

Медик пренебрежительно махнул рукой – так, словно отмахнулся от назойливой мухи.

– Читал!

– И что скажешь? Только не говори, что это – зомби!

– Не бойся, не скажу. Потому, что это – не зомби, а брехня.

– А я читал другое научное объяснение!

– Какое?

Ирония уже не помещалась на лице Медика.

– Ну, скажи: какое? На тему произвольного сокращения мышц вследствие заложенной в них генетической информации и даже кода?

– Ну-у...

МНС был явно впечатлён тем, как красиво товарищ сформулировал его междометия. Но Медик уже «тащил его под душ».

– Чушь!

– Но почему?!

– Да потому, что мертвец – он и есть мертвец! Мертвец во всём!

Довод был увесистым, как револьверная пуля, но Медик всё равно «перезарядил ружьё».

– Ты помнишь научное определение жизни?

– Форма существования белковых тел, – буркнул МНС, пожав плечами.

– Есть и другое: «жизнь – это цепь химических превращений».

– А к чему ты это?

– А к тому, что жизнь заканчивается вместе с цепью! И как только она закончится, мертвец уже не будет дрыгать ногами. Тем более – разложившийся!

– Попробуем?

МНС не стал демонстрировать принципиальность и оппортунизм. Вместо этого он «пошёл другим путём»: де-юре признал довод Медика, де-факто призвал к продолжению работы. И столько просительности было в его взгляде и голосе, что это не могло не тронуть. А, поскольку не могло, то и тронуло. За ним тронулось и всё остальное: в путь.

– На кой чёрт я тащил всё это сюда?! – капитулировал Медик.

– Поехали! –дохнул оптимизмом МНС.

...В институте наличествовал один лишь ночной сторож. Наличествовал в теории и «по штату»: как и положено настоящему сторожу, на боевом посту он отсутствовал. Отсутствовал по причине хрестоматийного соответствия амплуа: спал. Потому что, согласно природе человека и медицинским рекомендациям, ночью должны спать все. Ночные сторожа – не исключение. И этот тоже не захотел поступать вопреки природе и рекомендациям. Как следствие, если что-то и могло помешать ночным визитёрам, то именно что-то, а не кто-то.

– Все – до кучи! – распорядился Медик, совершив головой два кивка: первый – на пластинки, второй – на круг под каким-то громоздким прибором с внушительной трубой, выдвигающейся на манер объектива фотоаппарата.

– Соскребать?

Судя по открытому лицу, СБ уточнял без всякой задней мысли.

– В упаковке!

– В стопку?

А вот этот вопрос был не лишён смысла: две тысячи препаратов – это две тысячи препаратов.

– На ребро и в ряд! Если не суждено, то и плашмя не поможет!

По причине лимита времени и надежды на чудо работали все и споро. Уже через десять минут расфасованный мозг Ильича был готов к неведомой не только ему экзекуции. Медик отправился «колдовать» к прибору, а МНС и СБ остались на месте священнодействия для того, чтобы произвольно сокращать мышцы. Проще говоря: дрожать от возбуждения – и даже трястись от страха.

– Я готов.

Медик поднял руку вверх, отчего два других участника эксперимента завибрировали ещё энергичней.

– А, что, не будем подключать электроды?

Отчётливо стуча зубами, СБ удивился «нарушению технологии процесса».

– Это – другая конструкция, – хмыкнул медик. – Энергия равномерно будет распределяться по объектам. Всем достанется.

МНС попытался выглянуть из-за его плеча.

– Если не секрет, что это за энергия? Ну, каков принцип её работы?

– Принцип?

Медик усмехнулся.

– Ну, хотелось бы надеяться, что – тот самый, из сказки.

– ???

– «Живой» и «мёртвой» воды.

Ответ был «предельно ясным» – и новых вопросов не потребовалось.

– Ну – с Богом?

Палец Медика замер на клавише, а глаза запросили санкции у МНС.

Смежив веки, тот санкционировал. На круг с препаратами опустился прозрачный колпак – и спустя мгновение его внутренности озарились краткой, в доли секунды, вспышкой. Что-то наподобие молнии. Столб голубоватого огня ударил сразу по всей «рабочей поверхности». И сразу же колпак поехал вверх, на линию старта.

– Всё?

Потерявший дар речи в первое мгновение, во второе МНС был уже способен удивиться «непростительному минимализму».

– А больше и не надо, – не изменил ни себе, ни фирменной усмешке учёный. – Думаю, что он уже основательно «прожарился».

– Несolidно, как-то.

СБ уже пристраивал своё неодобрение к начальственному.

– Сейчас поправим, – хмыкнул медик, и вставил тоненький электрод в вещество одной из пластинок. Эта манипуляция делалась уже под одобрительные взгляды «членов приёмной комиссии». Взгляды не лицемерили – по причине давнего, ещё школьного знакомства с процедурой. Как минимум, стаж вызывал доверие.

Медик клацнул очередной клавишей.

– Датчик, – коротко пояснил он. Дисплей ожил – но, увы, только он один.

– Ну, как? – разом выдохнули МНС и СБ. Хотя, выдыхали они уже одно сплошное разочарование. Для других эмоций им полагалось быть классическими идиотами. И учёный товарищ «оправдал надежды».

– «Мёртвому припарки»!

– Вот тебе и «живее всех живых»...

МНС махнул рукой – и отошёл от стола.

– Может, окропить его, чем?

Верный себе и своему стилю, СБ попытался реанимировать надежду – а вместе с ней и Ильича.

– Ну, разве, что – уксусом, – тоже не изменил себе Медик. – Для закуски.

– Неужели – безнадёга?!

МНС и сам понимал, что задаёт ненужный вопрос. Но его отчасти извиняло то, что надежда – всегда глупее разума. Словно подтверждая эту истину, Медик лаконично отработал головой.

– А что, там, с «мёртвой водой»? – на мгновение «воскрес» МНС. Точнее: продолжил гнуть линию. Ту самую: безнадежную.

Медик обречённо махнул рукой: то ли снял маску, то ли надел другую.

– Как ты помнишь из сказки, «мёртвая вода» собирала массу «до кучи». Так сказать, отработывала за хирурга – в том числе, и пластического. Ну, а «живая вода» уже доводила дело до конца, а тело – до кондиции. Но, к сожалению, не только дело делу – рознь, но и тело телу...

– Ты хочешь сказать, что...

– Да. Во всех сказках труп Ивана-дурака был – как огурчик. Свеженьким, «с пылу, с жару». А у нас – соленья с маринадом... Думаю, что нашего клиента не оживили бы никакие воды. Мозг умер – и этот факт не только зафиксирован, но и законсервирован.

МНС уже собрался махнуть рукой – как её что-то схватило и увлекло за собой. Как оказалось: для более конструктивного занятия. Это «что-то» на пару с рукой отыскивали ровную поверхность, извлекли из кармана пиджака блокнот – и занялись уже привычным делом. Точнее, привычным для МНС и СБ: Медику потребовалось некоторое время для того, чтобы вернуть глаза в отведённые им орбиты.

– «С коммунистическим приветом, товарищи! Не утерпел! Прошу доложить обстановку!»

МНС даже не успел обменяться взглядами с товарищами, как его мозг уже отрапортовал за него.

– «Скверно, товарищи! Очень скверно! Но это – лишь один тупиковый путь!»

– А я и не сомневаюсь, что есть другие тупиковые, – невесело хмыкнул МНС. – Ой, извините, Владимир Ильич. Это я – не подумав.

– «Пустое! „Не подумав“ – самый честный ответ. А то ни от кого правды не дождёшься: все думают! А юморок Ваш я оценил: хороший юморок. Свидетельствует не только об упадке духа, но и о потенциале, так сказать, подъёмных работ».

– Вы думаете?!

– «Да. А теперь думайте Вы!»

Рука получила вольную. МНС ещё раз перечитал инструкцию – и действительно задумался. По прошествии минуты он посветлел взглядом.

– А ведь Ильич прав!

– Насчёт чего? – традиционно не стал притворяться Сократом СБ.

– Надо думать! Выход должен быть!

– Почему ты так уверен?

– Хотя бы потому, что тупики всегда существуют в контексте всех остальных дорог! Тех, которые ведут куда-то! Философски мыслить надо, дружище!

Упрёк не смутил «чекиста».

– Я – от земли, дорогой вождь. Поэтому и задам тебе «земной» вопрос: что это нам даёт в практическом отношении? Это я – о твоей философии?

Вопрос не застал МНС врасплох – но и ответа у него не было. За содействием пришлось обратиться к Медику: одними глазами. Тот принял вызов.

– Если мы не смогли оживить мозг в лоб...

– «В лоб»?!

– Ну, в натуральном виде...

– А-а!

– ... то имеет смысл попробовать...

СБ, пусть и в стороне от МНС, но одновременно с ним замер в ожидании продолжения.

– ... репринт или репликацию.

– ???

СБ немедленно обратился за содействием к МНС: сам он был «по другой линии».

– Репринт – это, грубо говоря, воспроизведение в оригинальном виде.

МНС покосился на Медика – и тот благосклонным кивком поощрил его к продолжению.

– Ну, это – как перепечатка дореволюционной книги в том виде, в каком она была издана тогда: с «ятем» и прочими раритетами.

– А репликация?

– А ты фильм «Бегущий по лезвию бритвы» видел?

– С Харрисоном Фордом?

– Да?

– Понял.

СБ в очередной раз доказал, что не понимает он обычно лишь первый вопрос – или даже первую часть его. Ну, а в отношении дальнейшего он – верный ученик Шерлока Холма и несгибаемый приверженец его дедуктивного метода.

– А есть у нас основания для такого оптимизма?

В отличие от оснований для оптимизма, как минимум, основания для такого вопроса у СБ имелись. Особенно – после наглядной демонстрации «последних достижений науки и техники».

МНС немедленно «перепредъявил иск надлежащему ответчику». Медик спокойно отработал плечами.

– Вспомните, что я говорил о мозге?

Теперь уже настала очередь МНС и СБ работать плечами. Но уже не с таким безмятежным выражением на лицах: вопрос был поставлен слишком общо для того, чтобы ответить на него конкретно. Ну, или показался таким.

– Я сказал, что мозг – цитирую по памяти: «это не только хранилище колоссального объёма информации, но и совершенный аппарат по её переработке. Будучи мёртвым, он уже ничего не может сообщить исследователям о своих функциях».

МНС и СБ – теперь уже по инициативе первого – немедленно прокисли взглядами, какими тут же и обменялись. Общий минор озвучил МНС.

– Ну, и что в этом оптимистического? Или ты хочешь сказать, что это нам пригодится в работе?

– Да, хочу. Потому, что пригодится. Для начала прошу обратить внимание на первую часть текста: «хранилище колоссального объёма информации».

Медик не слишком долго заряжал МНС своим взглядом: озарение наступило быстро. По причине «наличия плацдарма».

– Так ты думаешь, что информация...

МНС покосился в сторону пластинок.

– ... не пропала?!

– Нет: она – там!

– И мы сможем её извлечь?

– Мы сможем попытаться её извлечь...

– А-а...

СБ не успел упасть духом.

– ... с большими шансами на успех.

Вся группа заметно оживилась: маршрут был ясен – оставалось лишь следовать по нему. Но МНС не был бы МНС, если бы не пролился на эту «бочку мёда» «освежающей» «ложкой дёгтя».

– Но этого мало.

– Чего «этого»? – за двоих поинтересовался Медик.

– Информации. Это будет всего лишь информация из мозга Ленина – но не мозг Ленина.

А что от неё толку, если некому будет перерабатывать её?

– «Верной дорогой идёте, товарищи!»

Медик уважительно покачал головой.

– Слушай, переходи к нам: хорошо думаешь. Правильно. Но на твой хитрый... м...м... м... довод, у меня есть свой... «с винтом».

Он сделал выразительную паузу для того, чтобы слушатели успели «проникнуться». И он преуспел – потому что они успели.

– У нас есть не только информация из мозга Ленина, но и информация о параметрах мозга: общая масса, масса серого вещества, лобная доля, количество и расположение борозд, количество мозговых клеток, их величина и послойное расположение. Мы ещё не можем точно

сказать, для чего всё это и как оно работает – но у нас есть вся информация. То есть, у нас есть исходный материал для сканирования.

– Компьютером?

СБ в очередной раз продемонстрировал некоторое знакомство с технологией процесса. Правда – в объёме среднестатистического телезрителя. В силу этого поправка оказалась неизбежной.

– Сканером, – улыбнулся Медик, но тут же «обработал рану». – Разумеется, с последующим анализом и реконструкцией компьютером.

– Так, чего мы теряем время?

У МНС от нетерпения даже зачесались руки, наводя на аллюзии с любителями бодрящих напитков в любое время суток.

– Включай компьютер!

Медик выразительно посмотрел в сторону настенных часов – и энтузиазма МНС, как не бывало: наступало утро. Медик щёлкнул выключателем.

– Служенье муз не терпит суеты! Посему служить будем в другой обстановке. Если не возражаете...

Через десять минут препараты снова отсутствовали на своём месте. НИИ мозга вторично за последние сутки осиротел главным экспонатом...

Глава восьмая

«Отряд не заметил потери бойца». Главный экспонат НИИ давно уже перестал значиться в числе главных ценностей державы, которая обзавелась другими ценностями, производными от «демократического общества» и «рыночной экономики». Поэтому исследователи-неформалы – при наличии одного формального – могли «не беспокоиться насчёт беспокойства».

Тревожить их никто не собирался – потому, что никто не собирался тревожить себя. Пропажа – и то, в лучшем случае – могла быть обнаружена только к очередной годовщине Октябрьской рев... пардон: большевистского переворота. Лишь тогда – для очередного ритуального оплёвывания – понадобился бы мозг Ильича.

Хотя и это представлялось сомнительным. Особенно с учётом «долгоиграющих» запойных мероприятий в честь демократического заменителя Октября, которому вполне подошли бы слова Пушкина «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Ничего не скажешь: «уравновесили»! Заменяли! И, ладно бы – «шило на мыло»: был – на сказку! Да и ту основательно переврали: как по датам, так и по фактам, пусть и «в силу производственной необходимости». Потому, что, хотя бы по дате, одна правда накладывалась на другую: день освобождения Кремля от поляков – с днём Октябрьской революции. Накладывалась – но не перекрывала.

Нехорошо! Ведь при таком раскладе, коммуняки могли гулять вместе со всеми – но на другую тему! Закрывая центральные улицы для толпы под голубыми знамёнами, власть не могла бы сослаться на то, что толпа под красными будет мешать движению! Как говорится, «за что боролись?!» Хорошо ещё, что «пипл» на Руси пока что – «пипл». Стопроцентный. Ему, теперешнему – всё едино, что «обмывать». В точном соответствии с установкой: «кто не поп – тот и дядька!»

На всякий случай власть подстраховалась: на седьмого ноября... объявился ещё один праздник. Конечно, пришлось опять помянуть советское время. Но, как говорится, из двух зол выбирают меньшее: «Днём воинской славы» была определена дата парада сорок первого года. В расчёте на короткую память «Ивана, не помнящего родства», Кремль «тактично» опускал то обстоятельство, что парад сорок первого – тоже причастен к «треклятой» Октябрьской революции: он и проводился в честь двадцать четвёртой годовщины «от сотворения ея». И всё же плюс имелся: и седьмого ноября Красная площадь не доставалась наследникам большевиков.

Но сейчас изобретательность режима была на пользу делу, которым занялись МНС сотоварищи. Новые праздники имели три несомненных достоинства: повод для возлияний, количество дней и масштаб загула. «Была бы водка, а к водке – глотка...» – великая правда Руси. Душа русского человека «поёт и машет крыльями» исключительно по праздникам и исключительно от водки. А в праздники эпохи демократии «русскими» становились все, без исключения.

При таких благоприятных обстоятельствах с возвращением препаратов можно было не спешить даже в случае неудачного исхода эксперимента. В случае удачного – тем более...

– Есть!

Исполненный гордости за себя, Медик отпрянул от монитора. МНС и СБ, как по команде, заполнили освободившееся пространство. Их взглядам предстала геометрическая конструкция «мозга в разрезе». Никто из них не разбирался в деталях – но при наличии Медика этого и не требовалось.

– Сканер снял все параметры?

Это был, пожалуй, единственный уместный вопрос, с которым мог выйти дилетант. Он с ним и вышел: МНС в роли дилетанта – с единственным уместным вопросом.

– Гарантия сто процентов!

Медик и не думал отказываться от чествования самого себя. Его не смущало даже то, что остальные принимали в этом всего лишь посильное участие.

– Значит, получилось?

Экономя на эмоциях, но не на «вопросительных знаках», СБ лишний раз выказал себя Службой Безопасности.

– Ну, пока – только это, – «не пощадил себя» Медик. – «Главные матчи не сыграны...» – как пелось в одной спортивной песенке. Испытания нас ещё ждут – и количеством больше одного.

– Неисправимый «оптимист»! – хмыкнул СБ, кивая головой на Медика.

– А можно узнать – хотя бы намёком?

К минору СБ присоседился и МНС – уже со своим минором.

– Можно. В своё время.

– Понятно: «утром – деньги, вечером – стулья»?

– Нет, просто лучше спать будете. Потому что не мной сказано: «Во многой мудрости много печали. И кто умножает познания, умножает скорбь». Так, что, давайте не умножать – чтобы не скорбеть. Или умножать, дозируя.

Против такого довода трудно было возразить – и оппозиция не стала трудиться.

– Ну, а что мы сейчас будем делать?

– То, что и запланировано: репринт с репликантом. Последнее – в меньшей степени.

– Почему?

В диалоге «со стороны оппозиции» участвовал только МНС: СБ в очередной раз демонстрировал нестигаемую приверженность сугубому практицизму.

– Потому, что репликант предполагает физическую форму. Я имею в виду человеческие формы.

– А у нас?

– А у нас их не будет. Мозг Ильича мы «оформим» в виде программы и скопируем в микрочип.

– Который...

– Который можно будет подключить к компьютеру... со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Вытекающими для кого?

СБ уже почувствовал «запах» практической работы.

– Надеюсь, что для режима, – не стал разочаровывать его Медик. – Ну-с, как говорится, начнём, помолясь!

Как и полагается нормальным дилетантам, МНС и СБ ничего не понимали не только в процедуре, но и в узкоспециальной работе с компьютером. Чтобы они не досаждали вопросами во время работы, Медик предварил «заход на цель» некоторыми пояснениями общего характера. Уже в адаптированном виде для дилетантов.

– Сейчас я загружу программу.

– Какую?

Вопросами досаждал, естественно, МНС: СБ уже абстрагировался в ожидании результата. Его «датчики» реагировали только на конкретную цель.

– Репринта и репликации – какую же, ещё?!

– А откуда она у тебя?

– Моего личного изготовления.

Иронической усмешкой Медик попытался скрыть лёгкое «авторское» смущение. Не получилось – потому, что не очень старался. А, если и старался – то на обратный результат: не скрыть, а подчеркнуть. А тут ещё и МНС дополнительно не позволил, хотя и от чистого сердца: вышел с похвалой.

– Как это тебе удалось?

Похвала была сдержанная, завуалированная – но вполне читабельная.

– Ну, традиционно, – опять «не пощадил себя» Медик. – Руками, ногами и головой. По причине свободного времени и свободных компьютеров: нужно же было девать куда-то и то, и другое? А, если серьёзно – это тема моей докторской.

– Когда была защита?

– Никогда: сняли.

– Почему?

– По причине «антинаучного характера».

Медик усмехнулся уже в минорной тональности, с каким-то пессимистическим уходом в себя. Похоже, воспоминания были ещё не только живы, но и не утратили актуальности в форме болезненных реакций.

– Старики всё ещё не избавились «от научных воззрений» на тему определения гениальности человека «арифметическим путём». Им показалась кощунственной сама мысль работать не с физическим носителем информации, а с компьютерным двойником. А ведь ни один из них даже не представляет себе характера этого «двойника». Я, конечно, их частично понимаю: большинство из них используют компьютер лишь как подставку. Для рук, бутылок и других предметов бытового назначения.

– Но у тебя получилось.

МНС посчитал нужным поддержать товарища хотя бы постфактум. И поддержал его: плечом у компьютера.

– Скажи, а программа будет взаимодействовать с репринтом-репликантом?

– Хм...

– А, если точнее?

– Видишь ли...

Медик ушёл глазами в сторону.

– Не хочу тебя обманывать – тем более, обнадеживать...

– Даже так?!

МНС не просто насторожился: он уже пошёл тропой разочарования. Многообещающее начало обещало, как и положено, много – и, к сожалению, ничего хорошего. В этот «перечень услуг» входило и очередное падение духом, и крушение очередной порции надежд. Вероятно, МНС ещё раз оказался недопустимо конкретен и прагматичен. Результаты отдельных опытов его не интересовали: только общий. Да и тот – лишь в аспекте его применения на практике.

– Я экспериментировал только с мозгом животных...

– Крыс, что ли?

– Зачем крыс? – обиделся Медик. – И собак, и даже обезьян, и даже...

– «И даже»?

СБ «проснулся» моментально: он, всё же, не зря состоял на службе.

Медик ещё дальше убежал глазами.

– Ну, я... однажды... задействовал в работе... хм...

– ??? – отработали в унисон МНС и СБ. «Запев» уже начинал вдохновлять их.

– Мозг человека! – мужественно капитулировал Медик.

– Добровольца?

Медик «стеснительно» отвёл глаза.

– Ну, в каком-то смысле...

– Бомжа, что ли? – первым догадался СБ: полагалось по должности.

– Ну-у...

– Сам «заказал» или в морге сторговал?

СБ уже принялся за своё... и за Медика, по причине чего последний замылся: мужества хватило только на капитуляцию. По сюжету от него сейчас требовалось не лаконичное признание, а пространное объяснение. То есть, количеством слов больше одного. И слова требовались тоже, не абы, какие: обтекаемые и без острых углов. Ну, чтобы не цеплялись за них все, кто ни попадя.

– Хм... Я, конечно, озадачил кое-каких товарищей... Назвал параметры. Сказал, что если будет подходящий материал, чтобы немедленно... хм... поставили меня в известность. Только – в таком ракурсе: никакого «заказа». А, как, там, они добывали, я не интересовался. Я же не спрашиваю у собаколова, как он... ну, вы меня понимаете... Я – учёный: никакой патологии!

– Разумный подход, – одобрительно усмехнулся СБ. – Учёный обязан думать только о высоких материях. О грешной Земле будем думать мы, практики... Ну, и до чего ты додумался?

Глаза Медика вернулись на место. И не одни: с улыбкой.

– Результат обнадеживал.

– Теория подтвердилась практикой – как единственным критерием истины? – уточнил МНС.

– Да, но нужно продолжать. В науке делать выводы на основании одного эксперимента опасно. Да и не принято.

– Поможет товарищу?

МНС многозначительно «запросил» бровями СБ.

– А заодно – и науке, – «расширяя объём помощи», смежил веки СБ.

– ??? – на всякий случай уточнил Медик.

МНС улыбнулся.

– Это – насчёт материала для опытов. Но в связи с этим у меня вопрос: а почему же ты сразу не задействовал мозг Ленина? И божей искать не пришлось бы?

Поправив усмешку на лице, Медик добавил грусти и покачал головой.

– Дело всей жизни... Слышал о таком понятии? Так, вот: это – дело всей моей жизни. А, если бы не получилось? А, если бы я напортачил? Боязно даже подумать – не то, что делать... Это же – не только потеря материала. Это – потеря веры. И не в идеалы. И даже не в светлое будущее: в себя... Да и вообще – боязно... Вот я и убоился. К Ленину я собирался подступить только через божей. И не через одного: через многих...

Он замолчал, и, уходя в себя, мимоходом скользнул взглядом по лицу МНС.

– Ну, с точки зрения науки ты, конечно, прав.

МНС посчитал необходимым «откупорить бальзам»: по причине ответственного и даже судьбоносного мероприятия товарищ нужен был ему и партии кондиционным и оптимистичным.

– Но у нас нет времени. Ильич нам нужен, как говорится, ещё вчера. Так, что – крути свою шарманку! Поверь – хуже не будет!

И МНС взбодрил Медика основательным шлепком по спине. Товарищеским, конечно, в своей основе – и даже дружеским. Несмотря на всю его «руководящую» тяжеловесность. Медик встрепенулся – и тут же вернулся из путешествия по себе. Руки его высокопрофессионально забегали

по клавиатуре «доски».

Честно исполняя роль дилетанта, МНС впился глазами в экран монитора. СБ же, напротив, слабохарактерно ушёл глазами в сторону. Ну, так, как это делают некоторые футбольные болельщики, когда в ворота их команды назначается одиннадцатиметровый удар. По причине невыносимости пытки ожиданием. Увы: все известные истории главы тайной полиции таковы: «не терплю крови!».

– Есть!

Радостное восклицание Медика разбудило обоих «партийцев»: одного – у экрана, другого – в стороне от него.

– Есть совмещение!

МНС напрасно пялился на экран до тех пор, пока Медик не ткнул его своим пальцем и его носом в цифры и графику.

– Видишь: параметры совпадают! Тютелька в тютельку!

– И что это значит?

МНС не увидел ни одной «тютельки», ни другой – но энтузиазм учёного заразил и его.

– Программа готова считать информацию!

– Со всего мозга сразу? – осторожно уточнил МНС. Он не был учёным – но был в состоянии задать вопрос, за который его не осмеяли бы в любой аудитории.

– Нет: с каждого препарата в отдельности!

– А зачем же ты... как это?... рисовал черепушку?

Вопрос был, может, неверным по форме – но только не по существу. И Медик не стал отрицать этого.

– Ну, рисовал не я: программа. И все – для того, чтобы знать, откуда что брать – и куда класть. Это, конечно, очень грубо и ненаучно – но иначе я боюсь оказаться не понятым.

Намёк был вовсе не намёк – но МНС не стал оскорбляться за свою научную несостоятельность, и продолжил «допрос».

– Ну, ладно, снимешь ты... м...м...м... показания с каждого препарата. А, что – потом?

Уже с головой уйдя в работу, Медик уже не отрывал горящего взгляда от экрана.

– Потом моя программа выполнит идентификацию.

– ???

– Рассортирует информацию по характеру и источнику. И уже через общность или различия в информации «соберёт» препараты в единый виртуальный мозг.

– Как бы склеит?

– Как бы составит. Помнишь детскую игру в кубики?

– Понял.

МНС возбуждённо потёр ладони друг о друга.

– А каков объём репликации?

– Соображаешь!

Медик на секунду оторвался от экрана для того, чтобы уважить собеседника. Уважительным взглядом, естественно.

– Воспроизводить будем по состоянию на тридцатое августа восемнадцатого года, до травмирования пулей левой сонной артерии.

– Логично.

– Ну: «Он сказал «Поехали!»?»

Медик оглянулся на МНС так, словно испрашивал у того согласия. А, может, и совмещал это мероприятие с перекладыванием ответственности на чужие плечи. Ну, или, как минимум – разделением этой ответственности между плечами. МНС честно не стал «маневрировать плечом: подставился». Тем более, что, в отличие от виртуального, реальное его плечо давно уже подпирало Медика. Поддержка и командирский взгляд МНС успокоили Медика – и тот вернулся глазами к экрану.

– Ты, что: машинисткой подрабатывал?

МНС с восхищением наблюдал за тем, как пальцы Медика летают по клавиатуре – и при этом умудряются не совершить ни единой ошибки и ни единого промаха мимо цели.

– Нет: «бросили – и сказали «Плыви!» – усмехнулся Медик «без отрыва от производства». – Ну, я и «поплыл».

Минут десять пальцы Медика истязали «доску». Наконец, шумно отдуваясь как после тяжёлой физической работы, он в полном изнеможении откинулся на спинку «малобюджетного» кресла.

– Что? – не понял МНС, «в очередь» обстреляв настороженными взглядами монитор и Медика.

– Пошла загрузка!

И Медик кивнул головой на зелёную змейку, которая неторопливо заполняла пространство строки загрузки.

– И долго?

– Вопрос не по адресу, – усмехнулся Медик. – Я тут – «сбоку бантик». Объём работы задаёт мозг Ильича. Скоро мы увидим, много ли он её задаст.

К удовлетворению обоих – и участника, и свидетеля эксперимента – увидеть пришлось не скоро: мозг Ильича оправдывал ожидания.

– Это не мозг, а словарь Брокгауза и Ефрона на пару с биокомпьютером! – восхитился Медик.

– Да, впечатляет!

Огонь из глаз Медика воспламенил и взор МНС.

– Кажется, мы не ошиблись, делая ставку на Ильича... Ой...

Он по-бабьи прикрыл рот ладонью и опасливо покосился на потолок.

– Надеюсь, он этого не слышал...

Едва зелёная змейка исчезла с экрана и её заменила лаконичная надпись «Загрузка завершена», СБ немедленно присоединился к товарищам.

– Ну, что?!

Вместо ответа Медик что-то нажал, чем-то щёлкнул – и вскоре уже держал пинцетом какую-то миниатюрную, по виду керамическую, деталь.

– Это – что?

СБ «в манере записного интеллигента» ткнул пальцем в деталь, выразительно пуча при этом глаза.

– Мозг Ленина.

МНС как-то по киношному – но при этом совершенно искренно – облизнул губы. Нет, не как кот у миски со сметаной – а как человек, у которого они пересохли от волнения или жажды.

– Весь?

Медик лаконично кивнул головой.

– Со всех срезов?

МНС продолжал мужественно дрожать голосом, кадыком и свободными от других занятий членами.

– Да.

– А эти?

СБ совсем уж в неделикатной манере повёл головой в сторону препаратов.

– Их куда теперь?

Медик усмехнулся и покачал головой.

– Ну, что возьмёшь с чекиста: практик! Извини, брат, но твой вопрос так же «уместен», как и вопрос посетителя художнику, который пишет копию с шедевра: «А куда ты денешь этот хлам?» А этот «хлам» – подлинник! Это же касается и «их», как ты выразился. Они – тоже подлинник. И пусть мозг – мёртвый, но компьютерный век только начинается. Как в песне поётся, «придут честолюбивые дублёры – дай, Бог, им лучше нашего играть!» Я понятен?

СБ сконфуженно шмыгнул носом – а Медик, даже не облачаясь в наряд победителя, молча сунул чип в пластиковую капсулу размером с патронную гильзу.

– Что дальше?

Для МНС этот этап уже был пройденным. За это говорил не только его вопрос, но и глаза – отсутствующие здесь, и присутствующие где-то.

Медик задумался.

– Секцию нужно поставить в известность?

И он кивнул на капсулу. Некоторое время МНС балансировал между «да» и «нет». Наконец, он вздохнул – и приговорил сомнения.

– Нужно. Не для себя ведь старались.

– Тогда – ставим...

Глава девятая

Итог впечатлял. Точнее – впечатлил. Потому, что – не сразу. И не своим видом: применением на практике. После того, как чип был осмотрен и не вызвал никаких эмоций, за исключением разочарования, Медик «включил его в цепь». Разочарование почти сразу приказало долго жить. Приказало мозгу Ильича, который не только заработал, что доказывалось текстом с распечатывающего устройства на мониторе, но и оказался в состоянии отвечать на вопросы. За то, чтобы делиться информацией до тридцатого августа восемнадцатого года, и речи не шло: это – само собой разумеется.

Аудиторию поразило не только факт «включения» мозга, но и то, что он контактировал не механически, как робот, а творчески, как человек. Это обстоятельство сразу же сделало течение мыслей ответственных товарищей предельно радикальным.

– У нас есть мозг Ильича!

СИД обвёл собравшихся у монитора торжествующим взглядом.

– Отсюда – какой следует вывод?

– Такой, что у нас есть мозг Ильича, – хмыкнул СБ.

– Нет!

СИД не смутился прозрачным намёком на свой «профессионализм» вкупе с деятельным неучастием в созидательном процессе. Не смутился потому, что готовился внести радикальное предложение, которое не только «реабилитировало» бы его, но и уравнило в правах творца со всеми остальными. Как минимум, вид его свидетельствовал именно об этом.

– А вывод – такой: если у нас есть мозг Ленина, то зачем нам мумия? Зачем нам её оживлять? Ведь этот микрочип – ещё лучше, чем голова профессора Доуэля: не надо кормить, не надо ухаживать, не надо трястись, что отключится электричество в самый неподходящий момент! Мы можем сделать сколько угодно копий мозга! Я, кстати, и предлагаю запастись копиями. Хотя бы одной. На всякий пожарный случай.

– Пожалуй, здравая мысль, – откликнулся Медик.

Лицо СИДа начало расцветать от удовольствия: кажется, одобрили.

– Насчёт копий, – невозмутимо уточнил Медик – и лицо СИДа перестало расцветать: одобрили – да не всё. Не в полном объёме.

– А насчёт мумии?

– Критерий истины – практика, – «философически» заметил Медик.

– Значит, ты не против...? – начал оживать СИД.

– ... эксперимента! – «поставил точку» Медик. И не только в обсуждении, но и на лбу СИДа, куда угодил его взгляд. По этой причине автор предложения оказался на время бездвиженным и обезязыченным. Этого времени хватило для того, что перейти от слов к делу.

– Кто будет экзекутором?

По праву председательствующего МНС попытался обвести лица товарищей вопросительным взглядом. Попытка не удалась: нечего было обводить. Лица вместе с их хозяевами уже «залегли на пол».

– Ладно, тогда я сам, – вздохнул МНС. – Только даже этот «усечённый» Ленин мне нужен полноформатным.

– Оригинально! – хмыкнул доселе молчавший ВПК. – А, если перевести на русский?

– Мы должны загрузить мозг информацией обо всём, что произошло после тридцатого августа восемнадцатого года. Ну, если не обо всём – то о главном. Политика, экономика, военное дело, культура, искусство, достижения науки и техники – всё, что требуется для полноценного общения. Нам ведь нужны его советы не о том, как отбиться от Колчака или учредить НЭП.

Лёгкий шелест голосов в комнате свидетельствовал в пользу состоятельности этого предложения – как и того, что оно нашло поддержку у товарищей.

– Слово за тобой, дружище!

МНС нырнул в глаза Медику. Тот пожал плечами.

– «Я вам не скажу за всю Одессу» – но меня твоё предложение не застало врасплох.

– То есть?

Лицо МНС начало расплываться в улыбке.

– Не имея возможности... то есть, не рискуя работать с мозгом Ленина, я уже давно начал готовить для него пищу духовную.

– Смотри, не перекорми! Мозг человеческий – это не чердак и не машина.

– Не беспокойся! Пища рассчитана до последней «калории».

– Тогда – скармливай!

И МНС махнул рукой – как, если бы скомандовал: «Пли!»

Медик извлёк из внутреннего кармана пиджака... обычный диск формата CD-ROM. Первым делом он бережно погладил так называемое «стекло»: пластиковую коробку.

– Вот она – пища наша духовная.

«Обед» не затянулся надолго: аппарат демонстрировал отменную скорострельность, а Медик – оптимальный выбор «меню». Через пятнадцать минут «работы челюстями» мозг тысяча девятьсот двадцать четвёртого года «приготовления» по объёму информации превосходил мозг среднестатистического гения первой четверти двадцать первого века. А ведь к нему прилагался ещё и «персональный биокомпьютер» Ильича!

Способности к творческой переработке информации, то есть.

– Я готов? – ухмыльнулся МНС. Медик коротко хохотнул – и потеснился у монитора. – Тогда – «на дыбу» Владимира Ильича!

...После теста, который по совместному настоянию МНС и Медика продолжался больше часа, лица участников эксперимента – со стороны зрителей – уже не генерировали прежнего энтузиазма. Отсутствующую часть его полностью заменили озабоченность – и даже разочарование.

– Да-а...

Красноречия СИДа хватило лишь на эту фразу. Но и она была красноречивой.

– Как прикажешь тебя понимать? – отработал бровями МНС.

– Я отзываю своё предложение, – капитулировал СИД. – Так и понимай.

Это был мужественный поступок мужественного человека. И для него имелись все основания. Нет, разумеется, после «обеда» Ильич не поглупел скоропостижно. И от дачи советов – разумных, толковых – вождь не стал уклоняться. Но дополнительный объём информации как-то странно отразился на характере общения с ним. Мозг стал выдавать различные варианты ответов и предполагаемых действий. Грубо говоря, он компьютеризировался – и в этом смысле обезличился. Да и в содержании ответов не чувствовалось «ленинской изюминки»: так мог ответить не только любой робот, но и любой персональный компьютер.

– Ничего не понимаю! – мужественно развёл руками Медик. – Оборудование исправно, чип – тоже, знаниями я его не перегрузил. Отчего же Ленина в нём стало меньше?

Вопрос показался отдельным присутствующим настолько коварным, что они тут же абстрагировались в «группу товарищей». То есть, показали этому вопросу, что он «ошибся дверью». Исключение, как всегда, составил МНС – и по должности, и по мозгам, и по наличию «политического мужества».

– Увеличился объём – усложнились поиски решения, – попытался успокоить он Медика. – А, возможно, мозг и в самом деле компьютеризировался. Со всеми вытекающими отсюда последствиями – для него и для нас.

– Ты хочешь сказать...

– Нет.

Догадаться о том, что хочет сказать Медик «о том, что хотел сказать он сам», МНС не составило труда.

– Никакого вируса. Но сам состав информации, её подбор и загрузка вынуждают этот виртуальный мозг и воспринимать его соответствующим образом, и реагировать на него. То есть, компьютеризированная пища не могла не повлиять на характер работы с информацией. Нет, мозг Ильича не обезличился: это по-прежнему – его мозг. Ну, то есть, копия его мозга. Но он... как бы это сказать... сделал шаг в сторону автономного существования. И не от мумии: от личности Ленина. Компьютерная составляющая подавляет специфику мыслительного аппарата.

– А-а-а!

Изумление в голосе и взгляде Медика в равных долях смешивалось с восхищением товарищем. И товарищ это восхищение заслужил: не медик, не компьютерщик – а догадался! Один: специалисты «отдыхали»!

– А, вот, нужно ли нам это?

МНС с сомнением покачал головой.

– Такого «Ильича» ты можешь соорудить в любой момент и на любом конструкторе. А нам нужен Ленин!

– Ты настаиваешь на варианте мумии?

В диалог вклинился ВПК. И не один: с выражением скепсиса на лице.

– Даже, если бы случилось чудо, то чем оно помогло бы нам заполучить настоящего Ленина?

Скепсис товарища базировался на здравомыслии. Нет, коммунисты как последовательные атеисты, тоже верили в чудеса – но только в рукотворные. В те, которые сделали либо их руки, либо руки людей, которые могли показать «чертёж и макет в глине». Те, в отношении творений которых вполне допустимы восклицания типа «Чудеса – да и только!» Но – мумия... Это, увы – «не из нашей жизни». Этого мозг завязанного атеиста не мог ни понять, ни принять. Потому, что... очень уж отдаёт сказкой. И не просто сказкой: сделанной в Голливуде.

МНС ответил не сразу. Некоторые время он сосредоточенно грыз... нет, не гранит науки: ногти. Думал, значит. Наконец, он перестал их грызть: надумал.

– Мне вы не поверите. Да уже сейчас не верите. Поэтому я и предлагаю заслушать нашего Египтолога.

– А...

ВПК успел только раскрыть рот.

– Теперь уже – предметно, обстоятельно и «по пристреленным секторам». «Б» из уст ВПК не исторглось: МНС угадал и с вопросом, и с ответом...

– Любопытный результат.

Это было первым, что сказал НЕ после того, как его ознакомили с «последними достижениями науки и техники».

– Я, конечно, не специалист в области компьютеров, но даже меня этот результат не удивляет.

Взгляд МНС посветлел: он, таки, не зря пригласил товарища.

– Вы хотите сказать, что мозг вне формы неэффективен? Вне своей формы? Я правильно Вас понял?

– Правильно.

НЕ решительно сжёг за собой мосты: поступок настоящего учёного и «где-то даже» настоящего гражданина.

– Душа человека должна непременно вернуться в своё тело. Для того египтяне и бальзамировали его.

– А клон? – подался вперёд ВПК. – Куда больше шансов сделать клон Ленина, чем оживить мумию!

Египтолог даже не стал задумываться над тем, качать ли ему головой – и покачал нею. Судя по его решительности – не для того, чтобы выказать сомнение, а для того, чтобы показать, насколько решительно он отвергает внесённое предложение.

– Если заменить тело клоном, душа не признает его. А в этом деле, как вы уже начинаете понимать, всё взаимосвязано: и мумия, и душа, и мозг. Только неразрывное единство всех этих составляющих и может обеспечить воскрешение Ленина. Одного мозга для его функционирования вождём недостаточно. В чужом теле, не говоря уже о клоне, мозг не сможет функционировать с необходимой эффективностью. Более того: начнутся перебои в его работе. Не знаю, почему, не знаю, как – но они начнутся обязательно. Уже одна автономизация мозга чего стоит!

– Значит, у Вас нет объяснения? – изготовился упасть духом Медик.

– Только одно.

Египтолог уже «подставлял плечо».

– Полная гармония. Полная гармония всех элементов. Без этого мозг Ленина – всего лишь мозг Ленина, а не сам Ленин. А нужен Ленин!

В комнате – как и требовалось сюжетом – повисло молчание. Как, там, оно может висеть, науке точно неизвестно – но факт оставался фактом: оно повисло. Уж, такова его специфика: оно или царит, или висит. И, не абы, какое: напряжённое. Другому в такой ответственный момент здесь и делать было нечего. Да и сценарию полагалось соответствовать: молчание, если уж повисает где-то, то обязательно напряжённым. Прерывает (разрезает, оживляет) его – как и полагается не только по сюжету, но и по должности, старший. И МНС решил «не отступать от линии».

– Что будем делать, «господа Военный Совет»?

Поимённого сканирования на этот раз не производилось – и «господа» сочли возможным не «спасаться бегством в окопы», а всего лишь скромно пожать плечами. Так, словно отдавали руководителю пальму первенства – а равно право «рвануть из окопа» первым. Единодушные коллектива обязывало – и МНС обречённо вздохнул.

– Ладно. Тогда я скажу, что мы будем делать.

Несколько пар глаз бесстрашно – теперь уже можно было – устремились на вождя.

– Думать!

Идея не блистала оригинальностью – но конкурентов не нашлось и у неё. Да и что плохого в верности традициям здравого смысла? Против такого подхода к делу коллектив не возражал – и бесстрашно откликнулся на призыв МНС сплотить ряды вокруг Ильича и компьютера...

Глава десятая

Положение России на мировой арене достигло апогея – и она начала решительно переходить на орбиту перигея. В переводе «на гражданский язык» это означало, что мыльный пузырь имперского величия лопнул. Некоторые – в период апогея – ошибочно принимали этот пузырь за само величие. Но теперь пелена с глаз спала. Остатки пузыря, то есть. Статус великой энергетической державы кончился вместе с разведанными запасами углеводородов, которые в бешеной гонке за титул израсходовали ударными темпами: куда тому Стаханову с его допотопными рекордами! Углеводороды кончились – а ничего другого, энергетического, в обоснования притязаний на статус, Россия предъявить не смогла. О совсем другом, неэнергетическом, и речи не было. Тут и щёк не надували.

Правда, на одной из встреч с руководством дружественной и даже братской НАТО, наконец-то, замкнувшей вокруг России кольцо «дружеских объятий», Президент, дрожа голосом и всеми членами, объявил о том, что «мы не дрогнем в бою за столицу свою». И руководство НАТО с ужасом узнало о том, что одна из ракет вышла, таки, из шахты и куда-то улетела.

До выяснения подлинных обстоятельств инцидента решено было формат «НАТО-Россия» временно не урезать за счёт России. Это позволило высшему руководству страны ликующе заявить о том, что есть ещё порох в пороховницах, а ягоды, соответственно – в ягодицах. Правда, заявление это было сделано исключительно в расчёте на внутреннее потребление: «там, у их», «наше фирменное блюдо» уже не шло «на ура». Как минимум, конкуренции матрёшкам заявления Президента о маневрирующих боеголовках уже составить не могли.

Но правда – сродни шилу в мешке. И на эту истину Президент не мог легкомысленно закрывать глаза. Особенно после контакта шила с мягким местом. Тут и хотел бы закрыть – да не закроешь! А ещё эти футболисты в очередной раз подгадили. Без зазрения совести «похерили» «общенациональную идею»: боление голодранцев за миллионеров в бутсах. Не помогла даже хорошо организованная торжественная встреча «героев чемпионата»: с внушительной массовой, с триколором и воплями «Россия – чемпион!» А «герои» действительно были «героями»: ноль – в графе побед, ноль – в графе забитых мячей, зато – почётное четвёртое место в группе... из четырёх команд!

Не помог даже творческий подход к переоценке ценностей. Это раньше, при проклятых большевиках, второе место считалось унижительным поражением с непременными оргвыводами. А сейчас ориентиры поменялись: заняли десятое место – «замкнули десятку лучших». Заняли двадцатое – «замкнули двадцатку лучших». Не «обделались», понимаешь – а «замкнули». И не «хвост» – а «двадцатку лучших». Ну, и так далее. В результате «творческого подхода к переходу с одной орбиты на другую» Россия оказалась... «в первой сотне ведущих стран мира». Координаты места благоразумно не уточнялись.

Но как ни работал Президент над имиджем – своим, а попутно и России – «пипл» выражал всё меньше желания «восторгаться и восхищаться за отчётный период». Он почему-то уже не хотел покупать на стандартный набор для папуасов. И даже извлечённая из запасников песенка «Ты, я, он, она – вместе целая страна!» как-то вдруг перестала быть актуальной и востребованной. Неблагодарный «пипл» начал стремительно «деградировать» в направлении заключительной сцены сказки «Голый король». Роль последнего он всё активнее отводил не только самому Президенту, но России, несмотря на её принадлежность к женскому роду.

Требовались срочные меры по дезориентации... тьфу, ты: по ориентации масс в нужном направлении. Для этого спешно подготовили к излову очередную партию «оборотней в погонах» и вытащили из «бабушкиного сундука» и нафталина вечную палочку-выручалочку: тему перезахоронения Ленина.

Только на этот раз к вопросу подошли творчески. Контекст христианского милосердия, верности обрядам и сочинённому в Администрации «завещанию Ильича» был решительно отставлен в сторону. В Кремле решили: время «пускать либеральные слюни» кончилось. И со всех подконтрольных Кремлю – проще говоря: со всех каналов ТВ – «говорящие головы» дружно возопили о том, что покоящаяся в Мавзолее мумия Ленина – иначе тело уже не «трактовали» – пудовыми гирями висит на ногах у демократической России, мешая её поступательному движению к светлому будущему граждан России... отдельно взятых. Оказалось, что если бы не эта мумия – уже не сам Ленин, а всего лишь его останки – то Россия давно была бы впереди планеты всей не только по части распродажи невозобновляемых источников энергии. Получалось, что мумия перевешивает все самые весомые достижения демократии.

С грехом пополам удалось подключить к обсуждению массы. Правда, они больше предпочитали обсуждать непрекращающийся «рост благосостояния» – в одной из его составляющих: в части цен. Но на какое-то время всё же удалось «забить Мике баки». Как ни хотел «пипл хавать» – а пришлось. Потому, что другого «блюда» не подавали...

– Итак, что мы имеем на сегодняшний день?

Президент озвучил вопрос «ещё в дороге»: по причине отсутствия телекамер и наличия мандража он пренебрег условностями и приветствовал Главу Администрации почти у дверей. Правда – со стороны кабинета: надо, всё же, блюсти внешние приличия... пусть даже и внутреннего характера.

Жестом указав Главе на кресло, Президент на время отставил величие: расположился напротив. Сделал он это в прескверном настроении. По причине нарастающего торжества демократии.

Глава взялся за папку – но это было и всё, что он успел сделать.

– Своими словами, пожалуйста! – поморщился «всё больше впадающий в энтузиазм» Президент.

Папка не раскрылась – и руки вернулись к месту постоянной дислокации.

– Хорошо. Что желает выслушать господин Президент?

Глава не первый год «подпирал» «Всенародноизбранного» – и это давало ему некоторые права в смысле «вольностей». Точнее, дал их ему сам Президент. Ну, как дал: пожаловал. Согласно должности: «с царского плеча». Разумеется, при соблюдении трёх неперемennых условий: время, место и норма. Но Глава не нуждался в наставлениях. И если он и демонстрировал верность принципу «Не учите меня жить!», то не в том смысле, в каком следовала ему одна из героинь отечественной литературы.

– Господин Президент желает выслушать доклад о положении дел.

– Доклад на тему «Всё хорошо, прекрасная маркиза...» или...

– «Или»!

– А как насчёт валидола?

– Что: столько «оптимизма»?

– Ну-у... – ушёл глазами Глава. – Так, как, там, насчёт валидола?

– В наличии! И вообще: слог твой – инфаркт мой!

– Понятно.

Глава по достоинству оценил президентский парафраз на тему канонической установки ««Бензин Ваш – идеи наши».

– За этим дело не встанет.

– Какое дело?

– То, которое – дрянь!

Лицо Президента ещё больше набралось «энтузиазма».

– И какое же дело у нас – дрянь?

– Ну, надо ли так конкретизировать? – Глава ещё дальше ушёл глазами.

– Так много «хорошего»?

– Ну, как сказать: всё!

Президент забарабанил пальцами по роскошной столешнице, которую так любили показывать по телевизору. Величие президентского кабинета отчасти заменяло отсутствующее величие страны, не говоря уже об отсутствующем величии Президента. Глава – знаток «времени, места и меры» – тактично не вмешивался в процесс общения Президента со столешницей. Наконец, Президент набарабанил на мысль.

– Подробности!

– А валидола хватит?

Президент сверкнул давно не сверкающим глазом – и Глава понял сразу: перегиб.

– Слушаюсь. Итак: «Броня крепка и танки наши быстры» – раз. «На земле, в небесах и на море наш ответ и могуч и суров» – два. «Ты прекрасней всех на свете, Родина моя» – три. «Великая сила, бессмертная слава» – четыре. «Россия – чемпион!» – пять. Потом...

– Хватит!

– Так это – только присказка! – обиделся Глава. – А сказки я ещё и не начинал!

– Ну, и, слава Богу! А то бы давно уже прикончил меня... своим «оптимизмом».

Не отрывая глаз от столешницы, в которой они привычно «лежали» во время встречи с любым посетителем кабинета, Президент вздохнул и покачал головой.

– И всё-таки не верится... Неужели так «хорошо»?

– Будем слушать сказку?

Глава не стал обижаться на недоверие – не впервой – и умудрился поднырнуть под взгляд Президента.

– Отвали!

Президент неожиданно показал, что он ещё не совсем перестал быть русским человеком. Но «от мыслей об народе» никуда не уйти – и Президент опять впал в «энтузиазм». Глава уже заскучал – и даже вздремнул в кресле, как вдруг Президент вышел с оригинальным – как всегда – предложением.

– Нужны контрмеры!

– Против кого? – осторожно уточнил Глава.

– Странный вопрос!

– ?

– Ещё более странный вопрос: против народа, конечно!

– ???

– Ты что, решил перейти на другой формат?! – не выдержал Президент.

Под виноватую мину Глава старательно заморгал глазами.

– Виноват, господин Президент, но – народ... Не слишком ли широко мы замахнулись?

Глава уже понял, что сейчас лучше всего продемонстрировать неразрывное единство с Президентом. Даже – в соучастии и злоумышлении.

– Ну, зачем так буквально! – поморщился «Всенародноизбранный». – Ты ведь отлично понял, что я имел в виду. Народ следует вернуть в загон... то есть, в...

– Стойло, – подсказал Глава.

– В рамки, – уточнил Президент. – Народ должен понять, что всё у нас хорошо...

– «... дела идут и жизнь легка»!

Глава мог бы и промолчать – но... не мог. Ну, вот, такой он был человек. Даже – без «Хартии вольностей». Но Президент мужественно сделал вид, что его лично эти безосновательные намёки – пусть даже и имеющие под собой основания – как говорится, «никаким боком».

– Жду твоих предложений!

Вместо ответа Глава покривил лицом.

– И это – всё?!

– Виноват!

Глава встрепенулся и откашлялся. И правильно: «время разбрасывать камни, и время собирать камни».

– Можно повысить пенсию... Ой, нет-нет!

Едва не подстреленный взглядом Президента, который «без промаха бьющий», Глава вовремя сообразил, что с этим предложением он, как говорится, не из того леса – и не в ту степь.

– Ну, тогда снизить...

– ???

– ...заморозить цены.

– И это – Глава моей Администрации?!

Президент, не скупясь, отлил сарказму на лицо визави.

– Деквалифицировался?

– Как можно, государь?! «Мне без мыслей об народе и икра не лезет в рот!»

Глава уже взял себя в руки: теперь он понял, чего именно ждёт от него «гарант» и «блюститель».

– Целесообразно ещё раз подтянуть Грузию.

– Во!

Президент «воскрес» – и энергично воздвиг указательный палец перед носом Главы.

– То, что нужно! Что мы можем им предъявить на этот раз?

Глава слегка призадумался.

– Ну, «Боржом» был... «Киндзмареули» – тоже...

– Ну, что они ещё нам экспортируют? – нетерпеливо защёлкал пальцами «гарант».

– Ну, что они могут экспортировать? – пожал плечами Глава. – Самих себя!

– Не годится! – поморщился «Всенародноизбранный». – Столько возни: процесс-то – трудоёмкий.

– И неблагодарный.

– Именно, что неблагодарный: сразу же в Совет Европы затребуют. За «поздравлениями».

– Может, сулугуни?

– О, точно! Мы обнаружим там... обнаружим там...

Ничего «там» не обнаруживалось – и Президент немедленно «запросил» Главу.

– Кишечную палочку!

– Годится! Записываем первым пунктом!

И Президент размашисто прошёлся ручкой по бумаге.

– Дальше!

– Может, Крым?

– Отлично!

Президент ещё раз схватился за «Паркер».

– Только ты сперва озадачь Киев, НАТО и «АнтиНАТО» в Крыму. Тут нужна слаженность действий всех сторон!

– Не извольте беспокоиться, сэр!

Даже сидячее положение не помешало Главе надлежащим образом «прогнуться».

– Так, уже – кое-что!

Президент с нежностью и даже любовью оглядел перечень.

– Но этого мало!

– Может, активизировать отлов «оборотней»?

– Отлов «оборотней»?

Президент скривился – и Глава тут же отказался от своего предложения.

– Очень мудрое решение, господин Президент! А то не с кем будет работать!

– Вот именно! – подобрел «гарант Конституции» и прав личностей. Отдельно взятых. – И, потом: нельзя жить одним днём! Нельзя за сегодняшним днём забывать день завтрашний!

– Резерв?

– Да! «Оборотни» ещё пригодятся – так, что оставим товарищей «на развод»!

Демаскирующих телекамер не было – и, стимулируя мысли, Глава прошёлся ухоженной пятернёй по затылку.

– Ну, тогда... это... о!

– ???

– «Вечнозелёная» тема!

– ???

– Ленин!

– Как объект для перезахоронения?!

Президент задумался: мысль была не новой, но требующей постоянного осмысления заново. В плане возможных потерь и приобретений. Конъюнктура ведь – дама капризная. Она никогда не стоит на месте. Но сейчас требовалось «взбодрить «пипл» – и лучшим средством могло быть только средство, проверенное временем и жизнью. Поэтому, по истечении целой минуты Президент решительно приговор мысль:

– Пожалуй, это – то, что нужно! Простенько – и со вкусом. И нечего изобретать самокат: забава – что надо!

И президентская рука в очередной раз удостоила чести именной лист.

– Что ещё?

Понимая, что и так «немножко перебирает» по части запросов в условиях личного творческого кризиса, Президент счёл нужным объяснить свою требовательность.

– Конечно, и этого – с лихвой... для начала, но... так сказать... в резерв... для подстраховки, а?

Глава немедленно отработал в режиме плаката «Добро пожаловать!».

– Вы, как всегда, правы – и насчёт «самоката», и насчёт подстраховки. Поэтому все наши предложение должны быть в русле Вашей идеи.

– Моей? – заинтересовался Президент. – Любопытно! А какой именно? То есть, я хотел сказать... хм... хм... какой именно из моих идей?

Глава не мог не оценить ловкости шефа – и не только в части словесной эквилибристики.

– На тему Ильича, Ваше Высокопревосходительство!

– ???

– Вы спрашиваете, почему? Да потому, что «Ленин в твоей судьбе, в каждом счастливом дне, Ленин в тебе и во мне!»

– Ха-ха-ха!

Президент по достоинству оценил творческое обоснование подхода. Польщённый высочайшей оценкой – выше только Господь Бог – Глава, в свою очередь, скромно потупился взглядом. Неважно, что на девяносто девять процентов скромность эта была «синтетического» происхождения. Как и всякий ловкий царедворец, он не притязал на чужие лавры – даже, если они были не чужие, а свои, «кровные».

– Поэтому я предлагаю следующие дополнительные мероприятия: переименование городов и посёлков, в которых участвует имя Ульянова или Ленина; переименование улиц, площадей, заводов и колхозов... Ну, и...

Глава на мгновение задумался – и «дал последнюю перемену»:

– ... демонтаж памятников!

– Да-а-а...

Президент как-то разом «отсиял» и уже не скрывал своей озадаченности.

– Ну, ты и размахнулся... Вот, уж, действительно: «широко шагает Казахстан», как некогда заметил Леонид Ильич... Нет, уж: давай, ограничимся пока одним Мавзолеем. А не то, как бы нам не пересолить – на свою голову. Перебор нехорош не только в картах.

– Согласен.

«Высочайший» призыв к умеренности не смутил Главу. Семя было посеяно – оставалось ждать всходов. Он не сомневался в том, что Президент ещё вернётся к этой идее – но уже, как к своей.

– Ну, что ж: скликай команду!

Президент вырос над столом и приосанился, выкатив вперёд тщедушную грудь во всём объёме её величественного тщедушия...

– Какие будут мнения?

По традиции уйдя глазами в столешницу, Президент «обвёл взглядом» лица членов Совета Безопасности. Вопрос его не прибавил членам отсутствующего доселе оптимизма, чему в изрядно поспособствовало выступление Главы Администрации на тему «достойной встречи очередной годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.